

Волшебные миры (Снежный Ком)

Ирина Лазаренко

Магия тени

«Снежный Ком»

2019

Лазаренко И.

Магия тени / И. Лазаренко — «Снежный Ком»,
2019 — (Волшебные миры (Снежный Ком))

Мир изменился... Сверхспособности теперь мало что решают. Магов затягивает в водоворот событий так же, как обычных людей. Нет, еще сильнее, потому что разуверившиеся в волшебстве ортайцы все чаще приходят к ним не с пряниками. Даже лучшие друзья подводят — и кому можно верить? Уж не странным ли существам, что вышли из Самой Страшной Чащи и смотрят на магов как на еду? Как знать — новый мир полон дивных открытий. И теперь, как никогда прежде, выбор приходится делать не только за себя.

© Лазаренко И., 2019

© Снежный Ком, 2019

Содержание

Глава 1. Неразлучники	5
Глава 2. Приказано сжечь	23
Глава 3. Заложники пути	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Лазаренко

Магия тени

Глава 1. Неразлучники

Это другие маги, иначе устроенные. Они не ощущают себя частью общины, не желают вмешиваться в дела людей, не чинят вреда, не приносят и пользы. Таких магов нельзя переубедить или перевоспитать. Нам следует понять это и оставить их в покое.
Из выступления ректора в столичном совете

Просто отвяжитесь от меня!
Любой некромант

Столицы больше не было.

В некоторых домах еще оставались люди – тяжелые больные, старики и пьяницы. Бродили по пустым улицам брошенные шавки, кошки и куры – отошавшие, обалдевшие. И две-три лавочки делали вид, что работают, стыдливо запирая двери на засовы сразу после заката.

Это были конвульсии умершего города. Отходящее сжатие мышц – так, бывает, бьет крылом обезглавленная птица.

Столица обреченного мира должна была стать пристанищем обездоленных всего края – но она погибла первой, и вовсе не от той напасти, что выедала другие ортайские земли.

* * *

Гласный маг отыскался в аптеке. Ко входу пришлось пробираться по узким мосткам меж оборонительных заграждений, а прежде – выдержать подлинный допрос строгого стражника, пока четверо других держали руки на рукоятках мечей и недобро рассматривали путников. Стражники кривили губы, щурили глаза, разглядывали знак Магической Школы, предъявленный одним из посетителей.

Да и без знаков можно догадаться, что маги пожаловали! У мужика постарше взгляд тяжелый, цепкий – чисто колдовской, и глаза едко-болотистого цвета. На лбу и вокруг рта недовольные складки, словно он заранее порицает все, что увидит. Второй маг, что со знаком Школы, – он моложе, у него усталая улыбка и добрый взгляд, но по этому взгляду понятно, что дурь из его головы еще не выветрилась. Ну точно магистр школьный!

Оба темноволосы, патлаты, высоки ростом. Одежда на них измята после долгой дороги. Позади путников стоят кони – какие-то пришибленные, вялые.

Ничего не придумав, стражники послали в аптеку за младшим целителем – молодым косолапым гномом. Тот появился не скоро, пробухтел что-то в грязный ворот рубахи, осмотрел лица и ладони путников, снова невнятно буркнул, круто развернулся и почалпал обратно.

Стражники сочли его ворчание за позволение и наконец пропустили магов.

– Кто б мог предвидеть, что аптека станет средоточием всего самого жизнеспособного в городе, – мрачно пошутил Гасталла, чеканя шаг по мосткам. Все произошедшее он перенес с полной невозмутимостью, ничем не выказав ни удивления, ни недовольства, ни даже презрения к стражникам и целителю – хотя наверняка их испытывал.

Дорал покосился на спутника и не ответил. Увязавший следом некромант был хмур и ворчлив, и смущал его тем, что, как подозревал Дорал, Гасталла знал о случившемся в сто-

лице больше его самого, а также больше местных жителей, гласных магов и, возможно, самой Божини.

– Магистр! Магистр Дорал!

Петляя меж матрасами, разбросанным повсюду скарбом и группками людей, что сидели и лежали прямо на полу, к ним спешил молодой маг. Худощавый, бледный, с медно-рыжими короткими волосами, стоящими дыбом, с лицом, усеянным пятнами веснушек, он походил на потерявшегося в сутолоке подлетка, а не на последнего представителя Магической Школы в Арканате.

Дорал вздохнул. Он надеялся, что из трех столичных гласников на месте остался кто-нибудь постарше и потолковей. Впрочем – хвала Божине, что вообще кто-то остался.

Молодой маг несся к ним, сияя как утренняя зорька, и Дорал на вздох замешкался – ему показалось, что гласник бросится обниматься. Бывшие ученики обыкновенно были неприступно рады видеть своего наставника, но не настолько, чтобы позволять себе подобное панибратство.

Однако маг, приблизившись к гостям, остановился, прижал руки к груди и ограничился в проявлениях чувств восторженным щенячьим взглядом снизу вверх и облегченным:

– Хвала Божине, ректор откликнулся!

Дорал зачем-то обернулся к Гасталле. Тот хмыкнул. Лицо гласника вытянулось.

– Вы же... магистр, вы же тут не случайно очутились? Вы же помочь нам приехали? Других магов привезли?

Выражение лица Дорала утвердило гласника в худших опасениях, и улыбка его стухла совсем.

Магистр сконфуженно развел руками, перехватил сползший ремешок котомки на плече и вдруг понял, что очень устал. От полных надежды взглядов со всех сторон, от отчаянных историй, от дороги, от собственного непонимания происходящего и даже от этого места, порог которого только что переступил, – тоже устал. От душного и тошного запаха, от рези в глазах из-за чада светильников с жиром, от назойливого гула десятков голосов...

Стареешь, магистр. Становишься брюзглив и жалеешь себя. Куда это годится.

Дорал улыбнулся молодому магу, положил руку ему на плечо.

– Будет печалиться, Аяс. – Смекнув по выражению лица гласника, что печалиться все-таки есть о чем, магистр быстро добавил: – Мы здесь – и это главное, верно? Потому что – что?

– А что? – послушно, как в годы ученичества, спросил гласник.

– А то, что теперь ты не единственный маг в Арканате. Пойдем, присядем где-нибудь, расскажешь, что тут произо...

– И хорошо бы, чтоб там, где мы присядем, была вода и еда, – встрял Гасталла. – И хорошо бы – не заразные. А если там еще и выпивка окажется – я примирюсь с этим местом хотя бы на время беседы. Омерзительно вы устроились! Чем тут люди болеют, а? Вонючка – аж глаза выедает!

Гласник пристыженно вжал голову в плечи и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Кончики его ушей покраснели.

Дорал глянул на Гасталлу с укоризной, но некромант лишь скривил губы и, чеканя шаг, последовал за гласником.

* * *

Аяс привел гостей в огороженный ширмами закуток. Там стояли кровать, небольшой сундук, столик и пара стульев, висели полки с посудой. Гласника устроили со всеми удобствами, какие возможны были в этом месте, где под одной крышей собралось полсотни горожан: остальные спали на плотно сдвинутых матрасах, отгородившись с двух сторон ширмами

от других семейств. Их вещи лежали там же, в тюках у изголовий, а трапезничали все вместе за длинными столами, стоящими в ряд под окнами, – на большее места просто не оставалось. Справедливости соблюли сколько получилось: гномьим семействам места поменьше, оркам – побольше.

– На втором этаже так же? – Дорал кивнул на полотняную шторку.

– Там недужных собрали. – Гласник быстро раскладывал на столе снедь: лепешки, вяленину, мешочки с сушеными фруктами, мед. Налил в кувшин воды из ведерка, поставил меж двумя плосками, где потрескивали тряпки в жиру. Из-под кровати вытащил плетенку с вином. – Главный лекарь сказал, что лучше один раз их наверх поднять, чем если здоровые каждый день будут мимо ходить. И не пускает туда никого.

– Значит, все-таки недужные, – повторил Гасталла, – значит, все-таки не вы тут отхожие места под матрасами устроили. Воняет – жуть! Жуть как воняет!

– Чем болеют? – перебил некроманта Дорал и уселся на сундуке, с удовольствием вытянув ноги.

– Синей смертью, – неохотно ответил гласник, провел ладонью по лицу и затараторил: – Там большинство приезжие, селяне, местных почти не задело. Лекари говорят, это все от дурной воды, это не тутошнее – просто в ихнем поселке озеро попортилось, а когда они от мертвяков-то сюда побежали, то и заразу приволокли, но только из местных мало кто заболел, и вы не думайте, лекари никого наверх не пускают...

– Синяя смерть, значит, – протянул Гасталла и посмотрел на Дорала, как бы спрашивая: как тебе такой поворот? Лицо магистра было непроницаемым. Некромант вздохнул и повторил: – Синяя смерть. Везет мне этой осенью на всякую дрянь. Как началась осень – так и везет.

Махнул рукой, плеснул вина в три кружки. Дорал взял свою, с удовольствием вдохнул фруктовый запах. Слиловая, что ли?

Некроманта он не понимал. Сам ведь увязался на тракте. Нужно ему было в столицу позарез; знал, что плохо тут и что опасно, – но ехал, бдыщевая мать его разберет, зачем. Теперь, прибыв на место, по своим делам он явно не собирался, хвостом следовал за Доралом и всем видом давал понять, что так и должно быть. Ну прям как будто его дела и дела Дорала – одно и то же!

Магистр посмотрел на Гасталлу. Тот усмехался, отчего складки у рта становились глубже, а мрачная рожа – еще более неприятной.

Да еще вот синяя смерть.

Как будто мало прочих смертей. Щедро на них в последние месяцы земля ортайская. На всякие смерти. Станные, страшные, неожиданные и ожидаемые. Неизвестно, которые хуже.

– Рассказывай, Аяс, – спокойно велел магистр и отхлебнул вина. Хорошее вино. Крепкое, сладко-терпкое. И откуда оно взялось в аптекарне мертвого города? – Рассказывай с самого начала.

– С начала – это после того, как государь утек? – уточнил гласник.

– У... что?

Некромант ухмыльнулся – растерянный Дорал выглядел очень потешно. Небось нечасто ученики, хоть бывшие, хоть нынешние, видят своего магистра с такой дурной рожей.

Бывшие, тут же напомнил себе Гасталла, только бывшие. Ортайская Школа больше не обучает молодых магов. А меравийской уже полгода нет – до последнего камешка разрушена меравийская Магическая Школа лютым землетрясением, случившимся в крае, где никаких землетрясений сроду не было. И как тут не начать верить Божию ведаю во что?

– С самого начала, Аяс. – Дорал одним глотком допил вино, стукнул кружкой по столу и решительно отодвинул бутылку. Налил себе воды. – Мы совсем не знаем, что тут произошло. Рассказывай.

* * *

– Это еще весной началось, магистр, только мы поздно спохватились. Нам тут трудностей хватало, головы не поднять, ну как везде, знаете: еды мало, люди болеть стали. Иногда на целые улицы какая-то дрянь налетала, с сыпью и жаром. Нас, гласников, тогда еще трое было, но мы все равно с ног валились – стражникам помогали, лекарям, ну и люди с обращениями шли, как обычно. Народ сновал туда-сюда: из города уезжали по селам, к родичам, а многие, напротив, из сел приезжали сюда. Наверное, друг другу пальцами у головы крутили, сталкиваясь на тракте. С приезжими хлопот было много – то болячку приволокут, то воровать повадятся. В рабочих кварталах одно время даже стража вечерами не показывалась, потому как боязно было.

– К делу ближе давай. – Некромант нетерпеливо перебрал пальцами по столу. – Ближе к делу. Трудности у всех одни и те же в последние годы, что в ваших ортайских городах, что у нас в Меравии. Одни на всех у нас трудности! Про них мы сами все знаем!

Дорал непритворно удивился, услышав, что Гасталла приехал сюда аж из Меравии. Хотя совместная ортайско-меравийская некромантская лаборатория именно там и находилась – в самом южном крае Идориса, в горах Драконовых. Но это ж даль какая, переходов пятьсот! По нынешним беспокойным временам нужны очень серьезные основания, чтоб решиться на такое путешествие, да еще и в одиночку.

Гласник ответил Гасталле неожиданно резко:

– Магистр сказал – рассказывать с самого начала, так я с начала и рассказываю. А еще – вы ведь сами спросите, отчего мы весной не обратили внимания на мертвяков. Спросите, да? Так я и объясняю сразу, отчего.

Гасталла поджал губы и скупно кивнул. Дорал усмехнулся.

Что ж за интерес у некроманта в ортайской столице, а? Неужто сугубо свой, некромантский? Так на кой ему сюда тащиться было, когда он сам может поднять столько мертвяков, сколько потребуется?

– Однажды стражники убили мертвягу на тракте, – продолжал гласник. – Это, конечно, дело такое, необычное, но во всем нашем вареве напастей оно прошло так... почти мимо. Мы, конечно, останки осмотрели – ну вроде обыкновенный мертвяга, как на картинках. Думали, некромант молодой мимо пробежал, резвился. Они ж бывают такие, шалые.

Гасталла опустил глаза, неожиданно смутившись. Хотя с чего бы? Он-то к молодым и шалым никак не мог себя причислить, у него-то наверняка была за плечами многолетняя исправная служба – а вот причины нарушать закон, поднимая мертвяков где попало, напротив – не было.

Или была? Бдыщева мать их знает, некромантов!

Заметив взгляд Дорала, Гасталла поморщился, обернулся к Аясу и вкрадчиво спросил:

– И что, вас это настолько не встревожило, что вы даже на погост не сходили?

– Старшие гласники сходили. Сторонних истечений не почуяли, разрытых могил не увидели. Но сообщение в Школу отправили, как положено.

– И что Школа?

– Долго молчала, а потом ответ прислала: действовать по предписаниям, то-се... отписку сляпали, словом. Да, еще друзья нескольких семейств, которые в села уехали, жаловались, что те им весточек не шлют. А выезжали они все через северные ворота. И еще с северной стороны торговцам, бывало, товары не доходили. Ну и пошли всякие слухи – про страховидлов на северном тракте, невидимых человеческим взглядом и неуловимых для маговского чутья, про кару Божиину, про грехи наши тяжкие и про то, что дождина огненная вот-вот как есть сметет столицу к той самой матери.

– И что стражники, по северному тракту не ходили?

– Ходили, но недалеко. Так-то оно не ихнее дело теперь, сами ж понимаете. Стражничьи дозоры уже года два как перестали по дорогам разгуливать, потому что никакой стражи не напасешься, это ж теперь везде такое – без призорцев совсем порядка не стало...

Гасталла снова нетерпеливо перебрал по столу пальцами.

– А в середине хлебородня все и случилось. Дядька государев помер, не слышали? Да он уже совсем плохой был, не просыхал, считай. Ну и собралась на погост процессия, сам я там не был, но стражники говорили – тьма народу пришла! И не добралась еще та процессия до семейного склепа, как углядели – могилы разрытые, многие десятки могил, а в них гробы, разбитые снизу, а меж могил с урчанием рыщут полчища...

– Мертвяг, – подсказал Дорал.

– Зверей, – понизил голос Аяс. – Волков. Псов одичалых. И все здоровенные-е!

– Разожрались на дармовой мертвечине! – осенило Гасталлу. – Разожрались звери. Вот так поворот!

– Люди, конечно, оторопели. Бабы визг подняли. А звери как пойдут бросаться на людей – по двое, по трое кидались, валили на землю и жрали живьем прямо там, среди могил!

Некоторое время все молчали, потом Гасталла покачал головой и медленно проговорил:

– Как вышло, что это обнаружилось лишь в конце лета? Ладно, маги – бестолочи безглазые, а стражники – лентяи, но что же, до хлебородня никто другой на погост не заходил? Неужто в городе никто не помирал? От жара с сыпью, от разбойных нападений, от старости, от стражничьей ретивости? Так-таки не помирал никто?

– Еще как помирали, – обиделся за стражничью ретивость Аяс, – только свежепомерших мы уже года два хороним на новом, на южном погосте. Государев указ! Дескать, северный старый погост – он разросся уже до того непотребно, что скоро станет поперек Арканата шире и придется не то что огорода переносить, а тракты двигать, потому как совсем уже впритык погост подобрался. Так что свежих покойников всех на южный волокли...

– Выходит, гласники проверили южный погост, на котором все спокойно, – сообразил Гасталла, – а северный погост, полный мертвяг, – не проверили! – Некромант обернулся к Доралу. – Твои выпускники – они все недалекие или Школа для столицы нарочно таких отобрала? Нарочно отобрала недалеких?

– Да не могли они со старого погоста приходиться! – повысил голос гласник. – Они свежие были, я видел! С мясом, с глазами, даже кожа нетлелая! Нет таких покойников на северном погосте, там третий год никого не хоронят!

Некромант цокнул языком, откинулся на стуле и уставился в закопченный потолок, скрепив руки на груди. Дорал потер лоб.

– Аяс, мертвягу не зря называют перерожденным, – тихо сказал он. – Когда некрмант оживляет труп – он взаправду перерождается, обретая все необходимое для жизнедеятельности, понимаешь?

Аяс закрыл глаза ладонями. За три года работы столичным гласником, пусть и младшим, он почти отвык чувствовать себя беспомощным балбесом.

– Значит, можно хоть десятилетний труп поднять свеженьким, да? Значит, вот почему они не воняли. Значит...

Маг глухо застонал и стал покачиваться взад-вперед.

– Во дурачье, – негромко сказал потолку Гасталла.

– Но мы же писали в Школу! – вскричал Аяс, отняв от лица ладони. – Писали про мертвягу весной, а потом просили помощи, дважды: первый раз – наутро после тех похорон, а второе письмо я отправлял дней пятнадцать тому – считай, с последним голубем, заводчики-то тоже поразбежались, а я...

– Быть может, голуби не долетали? – предположил Дорал. – Теперь вокруг такое творится!

Гласник замотал головой.

– Ответы из Школы приходили. Такие же бесполезные, как первый: дескать, сидите, бдите, действуйте по предписаниям, уповайте на Божию. А на Божию, магистр, мы как-то уж не очень уповаем после той ночи, когда из божемольни мертвяки полезли!

– Из божемольни?!

– Ну да! В тот день, когда государева дядьку на погост везли, – люди-то еле ноги оттуда поуносили, звери ж за ними гнались всю дорогу! Считаю, вся стража там полегла, что была с ними, они животных задержать пытались. А на воротах тоже заминка вышла, пока сообразили, что к чему, – в общем, звери и в городе побезобразничать успели. И, магистр, вот еще, – Аяс сцепил пальцы, сильно сжал руки, – Мэггон тоже там погиб, у ворот.

Дорал на вздох прикрыл глаза. Он с самого начала подозревал, что не просто так в городе остался только Аяс, младший из магов. Что не все столичные гласники выжили. Но чтобы Мэггон дал убить себя какой-то вшивой шавке? Серьезный, сильный маг, пусть и несколько самоуверенный, как большинство эльфов с эллорскими корнями...

Сколько раз за последние два-три года Доралу приходилось слышать о гибели выпускников Школы, которых он обучал оборонной магии? Сколько раз они погибали вот так, как Мэггон, в числе первых, выполняя свое маговское назначение – спасать людей от напасти? И каждая такая весть для Дорала была болезненным ударом и немым укором: может быть, это твоя вина, магистр? Может быть, ты недостаточно хорошо научил его обороняться?

Аяс, помолчав, заговорил снова, чуть громче:

– А государь в тот же день, не дожидаясь утра, со своим сопровождением через южные ворота утек... ну выехал, значит. Бросил нас тут как есть, магистр! В городе такая неразбериха началась – не знаешь, за что и хвататься, никто не понимает ничего, никто ни за что не в ответе, все перепуганные, бегают! Ну а тела людей, которых звери в городе порвали, мы отнесли в божемольню на ночные молебства, все как полагается.

– А зверей забитых куда дели?

– Выкинули в ров. Той ночью, магистр, мало кто спал в городе, все напуганные были, ждали, что новая пакость приключится. И на тебе – не обманулись! Потому как в полночь, магистр, мертвые восстали! Те покойники, что в божемольню на молебства были отправлены, – они все разом встали да пошли! Жрец придурочный от них во двор выскочил, ромашку поджег да давай отмахиваться!

Гасталла расхохотался, но быстро умолк под двумя сердитыми взглядами.

– И что жрец?

– Да что... Стражники прибежали, упокоили мертвяг, так что жрец живой остался, только глаз у него дергался потом. Жуть какая, представляете? Эти мертвяки – они ж все были нашими горожанами еще вечером! И Мэггон тоже был там, он тоже стал мертвягой, вы понимаете?

Дорал скупно кивнул.

– Ну, значит, стражники их всех порешили, у стражников руки не дрогнули, хвала Божине. А люди-то перепуганные набежали, поглядели на это дело, да как всколыхнулись! Поперед стражи с дубьем и факелами бежали по улицам, с дурных глаз столько собак во дворах положили! И, едва рассвело, люди тикать начали, тоже через южные ворота. Знаете, они и до того были взбаламученные, в последний год много худых слухов ходило: что наш край погибает и что зараза идет от дриад, а поскольку Арканат – один из ближних городов к дриадскому краю, то все мы тут вымерем первыми и надо тикать. Малоумные, как им положено, голосили – все про голод, болезни и безумие, и что мертвые восстанут как живые, и что будет это великое знамение о гибели города. Ну, эти перерожденные – они не то чтобы как живые прям встали, но люди-то все равно про эти пророчества сразу вспомнили. Часть горожан увел тот жрец, который ромашкой на мертвяг махал. Если покойники оживают, сказал, – значит

сама Божиня упреждает всех людей, и что теперь он со своими последователями обязан посетить все шесть краев Идориса и принести туда скорбную весть. И слухи, видать, разошлись, да такие, что даже селяне с продуктами в город ездить перестали, тракты как вымерли. Словом, магистр, горожане все уезжали и уезжали, а в городе пустее да тише становилось. Раза три прибывали-таки обозы с едой, мы ее выкупали, пока было что взамен предложить, а последний от ворот развернулся и уехал.

– А звери что?

Аяс поежился.

– Приходят иногда. Днем. Стражники их отстреливают со стен, если близко подбираются, а они все равно приходят.

– Значит, вы тут заняли оборону, забившись в лекарню, и сидели ждали, что кто-нибудь придет вас спасать, – презрительно подвел итог Гасталла.

Гласник зыркнул на некроманта исподлюбья.

– Мы думали, вот-вот прибудет кто-то, кто знает больше нашего. Нам отсюда-то совсем ничего не видать! А покидать город старшина стражи запретил всем, кому голова дорога. Третьего дня приходили наемники, десяток орков и гномов, а с ними два эльфа-мага. Предложили избавить погост от мертвяг, а как узнали, что самая трудность не в них, а в зверях, так захотали – мол, совсем мы тут подурели, какие-то волки целый город разогнали. Но только как пошли они на погост, эти наемники – так ни слуху ни духу от них. А старшина стражи у нас не дурак, наперед им ни медяка не заплатил. Так что...

– А с Борием-то что? – спросил Дорал, так и не понявший, куда девался второй столичный гласник.

– А он уехал с одним из обозов, магистр, целый ремесленный квартал решил в Кали перебраться, где посуду делают. Вы скажете – да кому по нынешним временам нужна посуда, – зачастил он, хотя Дорал ничего такого не говорил, – но все-таки с ними, с ремесленниками, в одном не поспоришь: в столице теперь так и сяк не стало работы, а там, в Кали, может, и удастся устроиться. Так Борий с ними отправился, тут-то, в городе, на тот вздох народу мало осталось, а уезжали сотни человек из ремесленного квартала, детишек много, баб – ну как их одних отпустишь, до Кали-то сколько переходов мимо трольих лесов... И после того Арканат уже полностью опустел. Только несколько семейств сюда приехало из сел – ну, как раз те, что хворые теперь лежат. И так вышло, что почти все перебрались в лекарню из своих домов. Вместе, конечно, тесно, но все-таки веселей и безопасней, да к тому же южный берег города, подальше от... Ну и старшина стражи оборону тут устроил, вы видели, а еще, магистр, он велел всем, кто в лекарне помирает от синей смерти, головы отрубать и хоронить их сразу же, во двореке, без ночных молебств. Оно, быть может, Божине неужгодно, да и не по-человечески с мертвыми так обходиться, но все ж спокойней получается, когда знаешь, что он не восстанет и не попрет на тебя. Вот так мы тут и устроились в ожидании помощи, – гласник сердито зыркнул на Гасталлу, – потому как больше ждать нам нечего. Стража стоит на всех воротах, в кой-каких домах еще люди остались. Приходят сюда за едой, склады-то прям напротив лекарни, нам удобно опять же. Правда, еды там и было немного, а осталось и того меньше, а еще старшина стражи говорит, что скоро сюда потянется лихой люд на разграбление города, вот только пошире слухи разойдутся – и попрут разбойники, их развелось ведь нынче, а тут целая столица – никакие волки их не остановят, придут и растащат все по камушку!

– Значит, до той ночи трупы в городской божемольне не оживали, – заключил Гасталла.

Аяс на вздох запнулся.

– Ну да. Только в городской божемольне до той ночи мертвых и не было. При южном погосте отдельная божемоленка построена, туда покойников привозили на ночные молебства, а кто-нибудь из жрецов с ними оставался. У нас тут столица, а не деревня какая-нибудь! Народу тьма, божемольня всем нужна, а не только покойникам! А в тот день, когда все случилось,

жрецы уперлись, не захотели за ворота выходить, да и других людей, которые желали бы нос из города высунуть, что-то не нашлось. Так что...

– Божемольня находится в северной части города? – Некромант так и сидел, откинувшись на стуле и пялясь в потолок.

Краем глаза заметил – Аяс кивнул.

– А государев дядька помер, значит, утром.

– Да. – Гласник посмотрел на некроманта удивленно. – Откуда вы знаете?

Гасталла закатил глаза и не ответил. В самом деле, ну когда еще мог помереть государев дядька, если он не успел переродиться в мертвягу, как другие, а другие переродились в полночь?

Покойникам из правящих семейств Идориса не полагалось никаких ночей с молебствами в божемольнях. Они считались людьми столь просветленными и близкими к Божине, что души их должны были лететь под ее порог без всяких напутственных ночных молений, а потому и хоронить знатных покойников старались как можно быстрее.

Гасталла, когда-то изучавший исходный текст Преданий, знал: нет там никаких упоминаний о государевых семействах. По всему выходило, что указание на отказ от ночных молебств было попросту добавлено в следоуказательные тексты людьми, которые занимались толкованием Преданий сотни лет назад. Видимо, тогдашним государям не хотелось, чтобы посторонние глаза видели знатных покойников, и собирать на погребение родню из дальних концов – тоже не хотелось. Ведь удобно, если родич, свалившийся лицом в тарелку во время ужина, будет сразу же, потемну, и похоронен. А если жрец или приехавший из-за гор дядька будут рассматривать почившего родича и допытываться, чего это он весь синий от отравы, то выйдет наоборот – очень неудобно.

– И вы про все это писали в Школу, и про Мэггона тоже писали, а ректор отвечал, что нужно уповать на Божию? – не поверил Дорал. – Невозможно. Что там в Школе происходит? Чья печать стояла на письмах?

– Ректора.

– Быть не может, – повторил Дорал. – Там что-то случилось. Не верю, чтобы ректор... да он, верно, и не видел ваших писем. Быть может, канцелярия свихнулась? Или кто-то украл печать и перехватывает послания? Да жив ли ректор вообще?! В Школе точно что-то не так!

– Там что-то не так, тут что-то не сак, – Гасталла поджал губы. – Предлагаю решать вопросы по мере их появления. А мера появления у нас такая, что нужно сперва разобраться с перерожденными. Иначе отожратое на человечине зверье к весне вырежет окрестные поселки, а там и на города перекинется. Перекинется на города, никуда не денется!

– Ты знаешь про здешних мертвяг больше, чем говоришь, – Дорал наконец сказал некроманту о своих догадках и посмотрел на него с вызовом, но тот лишь скривил губы.

– Вот сей вздох и начну говорить. И ничего не утаю, не тревожся. Не затем я такой путь проделал, чтобы что-то утаивать. Так вот: ваш государь, который сбежал из столицы, не прихватив и ночной вазы, добежал аж до Меравии. Во как бежал ваш государь без ночной вазы! К сестрице нашей прибыл – ну то есть, к своей сестрице, конечно.

– А мы и знать не знали, – пробормотал Дорал.

Аяс фыркнул. Ночной вазы государь, может, и не захватил, а вот о казне, по слухам, не забыл. Да и еды с собой увезли целые горы – шептались, что во всем городе столько продуктов не было, сколько из дворца вывезли. Проверить никто не решился: старшина стражи заявил, что оторвет голову любому, кто ступит за ворота брошенного дворца, а старшине стражи в Арканате привыкли верить.

На самом-то деле людям, которые еще оставались в умершем городе, очень повезло, что во время побега государю не пришло в голову укрепить собственную охранную службу городскими стражниками. Аяс не поручился бы, что кто-нибудь из живущих ныне в городе смог

дотянуть до сегодняшнего дня, если б не остался здесь грубый, жесткий, нестигаемый стражий старшина и его немногочисленная рать.

Гласник скорей откусил бы собственное ухо, чем сказал это вслух, но ему было до крайности горько и досадно, что опорой для Арканата стали не они с Борием. Ведь сказано в Преданиях: маги должны оборонять и спасать людей там, куда не поспевает промысел Божинин. Это к магам приходят с такими печальями, которые нельзя разрешить привычным путем. А тут – на тебе! Положение – непривычней некуда, а жители до сих пор живы лишь благодаря уму и решимости мрачного усатого мужика, к которому гласные маги притулились ровно такими же перепуганными курятами, как и другие горожане.

– Так ведь государево отсутствие по нынешним временам только в столице и заметно, – ответил Гасталла Доралу, не обратив внимания на гласника. – В городах-то что, в городах наместники есть – и чем заняты в городах наместники? Своими бедами и напастями, а вовсе не государевыми порожними указаниями. А беды и напасти нынче такие, что дай Божиня до утра дожить, если же от государя нет ни указов, ни вестей, ни сборщиков подати – так наместники будут последними, кто бросится искать причину такого молчания. Словом, как ваш государь прибыл в наши края – так и пошли гулять по Меравии истории! Одна жутче другой пошли истории гулять, и все – про мертвяг, что доедают Арканат вместе с государевой ночной вазой. Доедают они город, значит. Ну, я услышал про это и...

– ...и рванул сюда, – закончил за некроманта Дорал. – Почему?

– Ты сколько времени работаешь гласным магом? – Гасталла выпрямился на стуле и, вместо того чтоб ответить Доралу, обернулся к Аясу. Дорал сердито прищурился. – Года два?

– Три, – насупился гласник.

– Не слышал от старших такой истории, чтобы в прежние времена они обнаружили в городе мертвягу? И при тебе такого не было?

Аяс замотал головой.

– Знаешь на северном берегу, у рынка, дом с башенками? Да? Оттуда люди не уехали? Нет? Кто там живет?

– Астроном.

– Так и думал. – Гасталла навалился локтями на стол и задумчиво оглядел оставшуюся в тарелке снедь. – Думал именно так.

Некоторое время некромант сидел, навалившись на стол, глядел на огонек в плошке, почти не моргая. Казалось, что складки у рта и на лбу углубляются, да плечи сгибаются, словно на них что-то давит.

В конце концов он выпрямился, посмотрел сердито на Аяса, потом – на Дорала.

– Болваны ваши гласники, вот что. Разве можно в столицу ставить гласниками болванов? Кто ж думал, что они за четыре года мышей не словят, а? – махнул рукой. – Ну да и свою вину не умаляю – а ведь, как ни крути, я виноват. Как ни крути, а я первый во всем этом виноват, магистр!

* * *

Продолжили беседу на улице, по дороге: Гасталла заявил, что больше ни вздоха не может оставаться в лекарне, пропитанной вонью. Уверял, что именно от этой вони горожане все как один подурели. Конечно, подурели – иначе с чего бы им ясным днем «сидеть гузнами на своих вшивых матрасах вместо того, чтобы выйти на улицу под осеннее солнышко»?

Аяс объяснял, что люди боятся. Боятся мертвягу или одичалого волка, который мог пробраться в город и теперь прячется за ближайшей мусорной кучей. Остерегаются брошенных шавок, которые сбиваются в стайки: кто знает, удалось ли им сегодня перекусить крысами, не захотят ли они попробовать человеческого мяса? А больше всего боятся люди тишины мертвого

города. Говорят, что чувствуют чужие взгляды из окон опустевших домов, что за спиной то и дело слышатся шорохи, а глаз улавливает, как мельтешат дымкие высокие тени.

Гасталла отмахивался: мол, у людей просто в головах мутнеет от долгого сидения на месте. Однако стоило магам удалиться на полквартала от лекарни, охраняемой стражниками, как некромант и сам стал настороженно зыркать по сторонам.

– Это было без малого четыре года назад, в последних днях желтоотравня, – заговорил наконец Гасталла, – у астронома, что живет в доме с башенками, умирала жена. Умирала жена его долго, и он, Варравир, не хотел с этим примириться, задержал он лекарей и жрецов, травников вызывал из ближайших селений. Никто не мог ей помочь, потому как просто пришел ее срок. Такой пришел срок, больше которого ее сердце выдержать не могло. Астроном был в черном отчаянии, а она, эта женщина – это была чистейшей души женщина, вот так я скажу. А я такое скажу нечасто. Понимая, что умирает, она ни вздоха не тревожилась о себе, а волновалась лишь о нем, о Варравире, – она понимала, что жить без нее он не сумеет. Эх, ведь умнейший человек был, образованный, честнейшего нрава – а на тебе, как помутилось у него в голове от горя. Так помутилось у него в голове, что он решил, будто даже смерть не сумеет их разлучить. И она согласилась, потому что тревожилась о нем больше, чем о себе.

Когда не стало ее, Диввы, этой удивительной женщины, Варравир снарядил телегу с заколоченным гробом и уехал с ней вместе из города. Уехал из города, всем объявив, что любимая Дивва просила похоронить ее в родном селе, в пяти переходах от столицы. И все в Арканате считали, что так это и было. Почему бы кому-то в Арканате считать, что было не так?

В родном селе Диввы Варравир заплатил жрецу, чтобы тот ночью читал молебства над заколоченным гробом, сказав, что такой была воля его жены. А наутро, зарыв гроб на сельском кладбище при тамошнем народе, вернулся в столицу. Вернулся в столицу, похоронив пустой гроб. Каков хитрец, а? Все это время несчастная мертвая Дивва лежала в подполе, одинокая и холодная, оплакиваемая верными старыми слугами. Верные слуги у астронома, это точно. Не выдали ведь за все эти годы! Не выдали, что, возвратившись домой, Варравир сделал Дивву перерожденной.

– Он превратил жену в мертвягу? – вскричал Аяс. – И она согласилась?!

– Погляди-ка, гласник Арканата наконец узнал об этом!

Дорал покачал головой. Он с самого начала рассказа подозревал, к чему ведет Гасталла, но все-таки надеялся, что угадал неправильно.

– До сих пор, – продолжал некромант, чуть повысив голос, – мне не было известно случаев, когда неутвержденный мертвяга находился бы в городе дольше восьми месяцев. До сих пор известно не было, но теперь известно! Четыре года! Четыре года в столице Орта, под носом у трех гласных магов, живет и здравств... мертвствует перерожденный, и никто не догадывается об этом! Никто и ни о чем не догадывается. Кто бы мог подумать, что астроном окажется безупречно осмотнительным, его слуги – безупречно верными, а местные гласники – полнейшими болванами!

– А гласники тут ни при чем, – на удивление спокойно возразил ему Дорал. – Обычный маг, не некромант, почует мертвяжные истечения шагов, быть может, с тридцати, а через стену – с десяти-пятнадцати. Гласник должен был зайти во двор, чтобы почуять мертвягу, но гласники едва ли гуляли во дворе у астронома. Получается что? Что если перерожденная не покидала дом и если хозяин не приглашал гостей, то выдать их могли только слуги. Никто другой бы не узнал и не заметил. Арканат большой, в прежние времена тут тысяч десять народу жило, а люди в больших городах нелюбопытные. Так что не вали на гласников, нет тут их вины.

Аяс громко засопел и возмущенно посмотрел на Гасталлу: слышал, слышал, да? Тот пожал плечами.

Позади остались опустевшие склады и мастерские, и теперь маги шли по крайним рядам рынка. Крысы рыскали тут не таясь – тощие, взъерошенные, с жадно блестящими глазами.

Но их присутствие даже успокаивало. Без крыс опустевший рынок выглядел бы совсем иным – покосившиеся навесы, валяющиеся как попало опоры, тихо шуршащие на едва заметном ветру пологи, груды пыли и мусора, выросшие будто сами собой. Нагло рыщущие по прилавкам крысы делали пустой рынок жалким, как дрожащая под дождем дворняга. Без крыс он бы выглядел зловещим, как отсветы звериных глаз во мраке.

Некромант вел спутников к речке.

– Ты скажи, – продолжал Дорал, отводя взгляд от копошащейся мусорной кучи, – как астроному удалось провести некромантский обряд? Причем незаметно. Над человеком-то! От него должны были такие истечения шарахнуть! И где он держит мертвягу, если тот не изувечил его до сих пор? И при чем тут нынешние безобразия на кладбище?

– Ну... – Гасталла набрал в грудь побольше воздуха, – пойдем от печки. Варравир сделал Дивву перерожденной при помощи реликвии. Истечение от реликвии почуять нельзя, она действует полвздоха, а потом разряжается навсегда, как любая реликвия. Перерожденная Дивва не нападает на Варравира, потому что у него есть защитный амулет – такой, какие используют некроманты. А я – тот самый негодяй, который дал ему реликвию и амулет сразу после смерти Диввы.

– Значит, – растягивая слова, заговорил Дорал, – ты просто вручил реликвию человеку, потерявшему разум от горя...

– Реликвию, заряженную на оживление мертвеца, – шепотом, словно не веря, вторил ему Аяс.

– ...зная, что старик оживит мертвягу в столице, – продолжал магистр, замедляя шаг, – и что он будет единственным человеком в городе, который имеет защитный амулет от мертвяг. Ты просто отдал ему эти цапки, развернулся и уехал в свою Меравию, так получается? И после этого *ты* называешь *его* дураком?

Дорал кивнул на Аяса и остановился.

– Я думал, все скоро выплывет, – буркнул Гасталла, неохотно поворачиваясь, – я самому Варравиру так и сказал: очень скоро все выяснится! Был уверен, что слуги донесут или же что соседи заподозрят недоброе – народ тут, в Арканате, глазастый был! Что ты ни говори, а глазастый был народ, просто дальше некуда! За несколько дней, что я провел в городе, было аж два обращения к гласникам! Два обращения было про то, что рыщет у вас по столице мерзостный какой-то некромант, того и гляди – что-нибудь затеет! А я, к слову сказать, в ортайских землях завсегда представляюсь лекарем, потому как вы тут, в землях ортайских, к некромантам имеете предубеждение!

– Удивительно, – процедил гласник, – с чего бы?

– Но кто-то же прознал, что никакой я не лекарь, и не поленился упредить гласников о моем появлении. Хотя с чего бы о моем появлении упреждать, что незаконного в моем появлении?

Дорал неожиданно понял, что очень хочет треснуть Гасталлу. Потому что предъявить ему и впрямь нечего. Имел право находиться в столице, представляться лекарем, общаться с жителями и даже передать реликвию тоже имел право. Нет законов, это запрещающих. Сам Гасталла не участвовал в перерождении мертвяги, и, можно поспорить, когда астроном вернулся домой с «похорон», в столице даже след некроманта простыл.

По закону придраться не к чему. А по совести получался бдыщевый навоз. И все, что мог придумать магистр в ответ на признание Гасталлы, – врезать ему в глаз.

И возможно, Дорал бы действительно врезал – если бы некромант не вернулся. Если бы он не помчался сломя голову в Ортай, узнав, что появились мертвяги на столичном погосте, если бы не нашел в Арканате гласного мага и не рассказал ему про все, что натворил тут четыре года назад. Если бы не стоял сей вздох напротив с этим насупленным видом, полностью понимающий свою вину и готовый принять любой ответ на свое признание.

Ничего не придумав, Дорал пошел дальше. Аяс, вздох помедлив, поплелся следом. Только тут Гасталла понял, что стоял, подобравшись и приподняв плечи, будто ошестинившийся пес. Мотнул головой, цыкнул на снующих под ногами крыс и пошел за магами.

– Но это не объясняет нынешних событий, – продолжал Дорал, как ни в чем не бывало, – реликвии разряжаются после применения или продолжают действовать, если есть источник подпитки. Астроном не мог четыре года питать реликвию, он не умеет этого делать. Значит, его реликвия пришла в негодность сразу после применения, и это не он бежит на погост поднимать мертвяг.

– Я думаю, что на погост никто не бежит. – Гасталла обогнул упавший прилавок, оступился на обломке и добавил вполголоса: – Я думаю, реликвия питала себя сама все это время, улавливая мертвяжные истечения от Диввы, потому как больше ей нечего было улавливать. Или же она зарядилась сама собою полгода назад, после того как... как возмущения околосемицы достигли какого-то предела. Какого-то же предела они достигли, возмущения околосемицы? Мы ведь не знаем ничего про то, как заряжали реликвии в прежние времена. И про то, что творится с нашим миром нынче, мы тоже не знаем. Но что я наверняка скажу – это что питается реликвия от Диввы. А еще – что она действует на безумное расстояние, в десяток раз больше обычного.

– Быть может, все-таки не реликвия, а шалый некромант?

– С трудом верю в некроманта, который еженочно ходит на кладбище, где кишит людоедское зверье, – сухо отрезал Гасталла, – с большим трудом могу поверить в некроманта, который ходит на такое кладбище настырно и занудно, месяцами. Без всяческой понятной цели. А потом, без понятной цели, еще и в городскую божемольню проникает, так получается? Нет, не получается. Это реликвия.

Под ногами хрустел мусор. Ветер тут, неподалеку от речки, был сильнее, трепал обрывки полов с противным низким клекотом. Маги остановились перед речным мостиком. Впереди, еще невидимый с этого берега, был дом с башенками, где держали мертвягу и хранили спятившую реликвию.

Дорал поежился. На вздох ему захотелось оказаться подальше от мертвого города, и пусть Гасталла сам разбирается с астрономом, реликвией, мертвягой и этим мерзким местом, где под ногами оглушительно хрустит рыночный мусор.

Каким же пустым и жутким выглядит город, когда вместо десяти тысяч жителей в нем остается сотня человек! Как странно он пахнет – пылью, сыростью, обреченностью...

Магистр мысленно отвесил себе пинка.

– Так что нам со всем этим делать? – спросил Аяс. Он переводил взгляд с Дорала на Гасталлу, и вид у него был потерянный.

Судя по лицу наставника, Аясу наконец удалось задать вопрос, на который у него не было ответа. Некромант разглядывал рыночные ряды на другом берегу.

Гласник переступил с ноги на ногу, чуть наклонился к Доралу и сбивчиво зашептал:

– Магистр, слушайте, это он во всем виноват! Во всем, что с городом стало, и что государь утек, и что Мэгон стал мертвягой, и что из деревень люди бежали! Целой столицы не стало, считай, и еще непонятно, выживем мы или сгинем, а все ж из-за того, что он... Магистр, ну нельзя это так оставить!

Гасталла закатил глаза и обернулся. В самом деле, что за болванов воспитывала ортайская Магическая Школа, если вот *это* – одно из лучших ее творений, достойное должности гласного мага в самой столице!

– Аяс, мы бы смогли без Гасталлы найти корень здешнего безобразия? – спросил Дорал, и некромант подивился его терпению.

Молодой маг неохотно помотал головой.

– И это не мы такие умные, что отыскивали его. Это он сам сюда приехал, нас нашел и все рассказал. И помогает справиться с последствиями своего неприглядного поступка. Чего еще ты хочешь – утопить его в речке, чтобы унять свою злобу?

– Да! – просиял гласник. – А можно?

– Нельзя. К тому же тебе все равно с ним не справиться.

Гасталла снова закатил глаза и что-то тихонько высказал низкому хмурому небу.

Аяс сердито шмыгнул носом. Как он понимал, Дорал все-таки должен был набить мерзкую некромантскую морду, раз уж самому гласнику это не под силу.

«И какой из меня защитник столицы? – с досадой подумал Аяс. – Вот пришел в город вражина, рассказывает, каких делов тут натворил, да еще лыбится нагло – а я ни магией его не одолею, ни без магии. Вот и зачем я тут нужен, такой бестолковый, кому?»

Словно угадав его мысли, наставник ободряюще хлопнул парня по плечу.

– Выше нос! Такую задачу в одиночку ни один молодой маг не разрешит! Тут опыт нужен, практика, рассудительность, ну и помощь друзей, конечно...

– Да какой из него друг? – вскричал Аяс, уже не заботясь, слышит ли его некромант. – Вредитель он, самый настоящий!

– Он не враг, – серьезно сказал Дорал, – как ни крути – не враг. А по нынешним безумным временам каждый, кто не пытается выпустить тебе кишки, уже наполовину друг.

Гасталла хмыкнул. Но очень тихо.

– А он знает, что теперь нужно делать? – не успокаивался Аяс. – Каких дел он натворил – это мы уже поняли, а как исправить – это он ведает? Нельзя же просто уничтожить реликвию?

– Нельзя, – с сожалением согласился Дорал, – мы не знаем, как поведет себя сила, что ею накоплена. Едва ли просто развеется. Для начала нужно унести реликвию подальше от мертвяги, который ее питает. А что делать потом?

Магистр покосился на Гасталлу.

– Есть у меня пара мыслей, – проворчал некромант и засунул руки еще глубже в карманы, отчего Дорал заключил, что эти мысли не из приятных. – Пойдемте уже, а? Скоро смеркаться начнет.

Дорал кивнул и вслед за Гасталлой двинулся к деревянному мостику, что выгибал спину над речушкой.

* * *

Практикующий некромант, мертвяга, оборотень и реликвия. Об их присутствии обученные маги и сильные самоучки узнавали безошибочно: сначала возникал тревожный отголосок, затем появлялась рябь перед глазами и шум в ушах – всего на вздох, но в этот вздох маг чувствовал себя до крайности неудобно.

Именно по этому ощущению и Дорал, и Аяс узнали в Гасталле некроманта.

Именно поэтому Гасталла не любил общаться с обычными магами – ощущал себя королей с колокольчиком на шее, которая и хотела бы перемещаться незамеченной, да не может.

И тот же самый неприятный и знакомый тревожный сигнал дал знать Аясу и Доралу, что в доме астронома находится мертвяга.

Гасталла, чуявший перерожденных за полсотни шагов и совсем иначе, с непроницаемым выражением лица переждал их короткую заминку с зажмуриванием глаз. А про себя с неудовольствием отметил, что весьма позорно для него, уважаемого некроманта, вызывать у других магов ровно те же ощущения, какие вызывает безмозглый мертвяга. И все лишь потому, что он, уважаемый некромант, в прямом смысле слова окружен отголосками этих самых мертвяжных истечений.

– Дело совершенно немыслимое, – Варравир поставил тонкостенную чашку на покрытый скатеркой стол, – вы не можете так поступить с Диввой, господа маги.

Скатерка была истертой, но беленькой. И производила ровно то же впечатление, что весь дом и его хозяин: добротные, знающие себе цену, поистрепавшиеся со временем, но умеющие сохранить достоинство. В комнате пахло теплом, чуточку пыльным, солнечным, почти летним.

– Мы ничего не говорили про Дивву, – пробормотал Гасталла, не поднимая глаз. – Мы говорили про реликвию.

– Да. – Варравир сложил на столе руки в старческих пятнышках. Ногти у него были аккуратно подстрижены. – Мы оказались в очень неприятном положении. Корень его, разумеется, не в реликвии, а в Дивве. Ведь вы, – астроном почтительно кивнул гласнику, – конечно, теперь не сможете уйти просто так. И вы, – скупая улыбка и кивок Доралу, – не позволите бросить это дело без решения. Вот и получается: оставить Дивву в покое вы не можете, а убить ее я вам не позволю. Так что нет, сложность, повторяю, не в реликвии. Реликвию я отдам вам беспрекословно, мне она без надобности, а даже если бы такая надобность существовала – я бы поступился ею ради...

Лицо астронома застыло, на лбу выступили капли пота. Варравир прижал руку к левой стороне груди, поморщился и, трудно вдыхая через каждые несколько слов, закончил:

– Для меня ваш рассказ стал большим потрясением, поверьте. Выходит, я виноват в гибели города.

Астроном нашарил на столе чашку, глотнул отвара, помолчал, полуприкрыв глаза. Маги тоже молчали, не глядели друг на друга.

Они ожидали увидеть в этом доме обезумевшего старикана, который будет сыпать проклятиями, невнятно бормотать, требовать, чтобы гости сей вздох убрались вон, а то и попытается натравить на них мертвягу. В самом деле – каким, если не бесповоротно безумным, может быть человек, который превратил жену в мертвягу и держит ее в доме уже четыре года?

Маги знали, что делать с безумным стариком. Но что делать с настоящим Варравиром, статным седым мужчиной в аккуратной домашней одежде, с добрыми и живыми глазами, приветливым и рассудительным?

– А ведь я, – продолжал астроном, отдышавшись, – я так старался, чтобы никто не пострадал, ни в этом доме, ни за его стенами. Я не приглашал гостей, старался не навредить своим слугам. Я сам забочусь о Дивве, никого не обременяя, но при этом и сама Дивва получает достаточно внимания, чтобы не ощущать себя ущемленной...

– Вы так говорите, словно она живая, – брякнул Аяс, и старшие маги на вздох одинаково втянули головы в плечи. Варравир остался невозмутимым.

– Разумеется, я знаю, что она неживая и ничего не чувствует. Но мне нравится перед собою делать вид, что все иначе. Я не пытаюсь очеловечивать мою дорогую Дивву в ее нынешней ипостаси, не пытаюсь обманывать себя всерьез, но я... установил для себя некие правила и играю в глупую стариковскую игру. – Он беспомощно пожал плечами. – Ну что еще остается одинокому умирающему дуралею, а?

Уши Аяса вспыхнули, и он уткнулся в чашку с отваром.

– Впрочем, все это вам не интересно, полагаю. – Варравир поморщился и принялся растирать левую сторону груди. – Я не стремлюсь разжалобить вас или перевести разговор. Так, ухажу мыслями в сторону по-стариковски... Суть в том, что реликвию я вам, разумеется, отдам. А Дивву убить не позволю.

Астроном говорил так спокойно и уверенно, что Дорал все-таки усомнился в душевном здоровье старика. Как он может не позволить магам упокоить мертвягу? Вот встанут они сей вздох и откроют тяжелую лакированную дверь, из-за которой слышится глухое ворчание!

Варравир неловко, крясь на левую сторону, потянулся за кувшином, поймал пальцами воздух – раз, другой. Губы и ногти у него посинели. Дорал вскочил, с грохотом отодвинув стул, взял кувшин, долил отвара в чашки.

– Вам плохо. Быть может, привести лекаря?

Сказал и сам на себя возмущенно фыркнул: какой еще лекарь, разве можно отрывать лекаря от десятков недужных ради одного Варравира, разве можно приводить лекаря в этот дом?

Астроном мотнул головой.

– Не тревожьтесь, прошу вас. Лекарь не поможет, нет, просто, знаете... старый я. А история с реликвией очень меня расстроила, не считите за притворство, – расстроила и потрясла. Никогда я сознательно не вредил никому, а тут! Какую кашу заварил, сколько судеб погубил – да как же оно так...

Маги молчали, да и что было сказать? Соглашаться, подтверждать – да, виноват? Жестоко и бессмысленно. Хотя отчего взбесилась реликвия – еще поди пойми, быть может, дело и впрямь в изменениях околосемицы, которые охватили Ортай и соседние края.

Как будто услышав мысли магов, Варравир вдруг взволнованно заговорил:

– А знаете, небо предупреждало меня о грустных и страшных событиях вроде нынешних, небо пророчило многие печали – сколько же лет назад, три, четыре? – Он задумался.

Дорал снова подумал: спятил старик, спятил! Как небо могло ему что-то пророчить, о чем он говорит? Магистр замечал краем глаза, что Аяс поглядывает на него, прося совета, но не отвечал на эти взгляды: сам ничего не мог понять и решить. Гасталла все время разговора сидел как пенек, смотрел то в пол, то на руки старика.

– В начале лета это было! – Варравир хлопнул себя ладонью по лбу. – Разумеется, в начале лета, когда Южный Еж набирал яркости. Значит, три с лишком года назад. Тогда небо показало мне жуткие вещи!

Дорал тоже чуть не хлопнул себя по лбу, вспомнив, что старик – астроном.

– Никогда мне не приходилось видеть, чтобы звездные скопления выстраивались в такие сложные и страшные картины. – Варравир снова потер левую сторону груди, откинулся на спинку стула и устроился в очень неудобной с виду позе, однако голос его, хоть и ослабевший, звучал ровно. – Рядом-рядышком друг с другом встали соединения Природы-Матери и Разлада, и по четырем сторонам, беря их в кольцо, расположились четыре звезды Всадников. И непривычно близкие, пугающе-огромные, встали по двум краям небосвода два скопления, извечно противоречащие друг другу: Демонов Хвост и Старший Змей.

Маги мало что поняли из слов астронома. По звездам, конечно, любой из них определил бы дорогу, а Дорал и Гасталла – не только в любом месте Ортая, но и в паре-тройке соседних краев. Но никогда скопления звезд не имели для них такого понятного и глубокого значения, чтобы видеть в них истории и предзнаменования.

– Тогда я понял, что грядут страшные времена, – продолжал старик, прикрыв глаза и трудно дыша, – что власть над нашей землей получит сила высшая, чуждая и страшная. Что ждет нас голод, мор и погибель, если только... Если только что? Какое значение несли Демонов Хвост и Старший Змей? Я не смог этого понять.

Он замолчал, поморщился, выровнялся на стуле.

– Я даже составил описание увиденного, начертил звездную карту и переправил в государеву канцелярию. Уж не знаю, какая судьба постигла мое послание, да и мог ли быть от этого толк. Впрочем... я снова увел вас от цели, а меж тем уже темнеет. Раз реликвия проявляет активность в ночное время...

Варравир медленно поднялся, оперся на стол, пронзительным взглядом прошелся по троице магам.

– Я отдам вам реликвию сей вздох, и вы унесете ее подальше отсюда, от Диввы. И я прошу вас пока не делать ничего, – он отвернулся к окну, за которым клубились темно-серые сумерки, несколько вздохов обдумывал нужные слова, – ничего такого, что может разлучить нас с ней. Обещаете? Позднее мы еще поговорим об этом, но теперь, чтобы быстрее решить главную задачу, прошу каждого из вас дать мне такое обещание.

Старик снова обернулся к магам, смотрел спокойно и даже с вызовом.

– Я обещаю никак не навредить ей, – быстро проговорил Аяс, которому отчего-то стало невыносимо стыдно под этим взглядом. Подумал и поспешно добавил: – Этим вечером.

Варравир кивнул и перевел взгляд на Дорала.

– Обещаю, – медленно проговорил магистр, – если только она не подвергнет опасности нас или других людей.

Астроном снова кивнул, принимая уточнение, и Дорал укорил себя за излишнюю подозрительность.

– Обещаю, – серьезно сказал Гасталла и задумчиво повторил: – Обещаю не делать ничего такого, что могло бы разлучить вас.

Астроном снова отвернулся к окну, обдумывал что-то, шевеля потемневшими губами. Потом с трудом оторвал ладони от столешницы и пошел к лакированной двери, не оглядываясь больше на магов.

Старик шаркал ногами в разношенных башмаках и прижимал ладонь к груди. Дыхание его было трудным, прерывистым.

«Все-таки нужно было послать за лекарем», – с тревогой подумал Дорал. Поднялся, но подойти к астроному не решился. Видел, как подобрался Гасталла, словно готовясь в следующий вздох броситься вперед.

Варравир долго возился с простой защелкой, наконец справился с нею и потянул к себе тяжелую скрипучую дверь.

Комната за ней оказалась светлой, с двумя большими окнами, на которых были раздернуты занавеси, и серого сумеречного света с улицы они впускали еще достаточно. Обычная спальня небедной пожилой женщины: большой сундук, просторная кровать, маленький столик у стены и натертый лист меди над ним, деревянное корытце в углу, несколько полок с вазами из цветного камня и засушенные цветы в них, небольшой стол и два стула в изголовье кровати. Повсюду вышитые и плетеные салфетки.

Реликвия, видимо, хранилась под замком, потому что ее присутствие маги почувствовали только теперь, когда Варравир открыл двери.

– Что за день такой, – посетовал Дорал, в третий раз за сегодня проморгавшись от ряби перед глазами. – Надеюсь, на этом все? Вечером оборотни не нападут на город?

Дивва сидела на краешке кровати в почти человеческой позе, чуть подавшись вперед и опираясь на колени руками. На ней было красивое темное платье с широким длинным поясом, привязанным к ножке кровати. Астроном не предоставлял жене полной свободы даже в запечатом помещении – именно это советовал ему четыре года назад Гасталла, и Варравир строго последовал совету.

На голове у Диввы – косынка, на руках – длинные перчатки, а ноги босые, с неестественно, не по-человечески длинными растопыренными пальцами. Лицо без всякого выражения, каким оно и должно быть у мертвяг – мало отличимое от лица обычного покойника. И взгляд обычный для нежити – пустой, подернутый мутью.

Дорал и Аяс смотрели на Дивву со смесью любопытства и гадливости. А Варравир подошел, погладил перерожденную по плечу и тихо что-то заговорил. Она повернула голову и уставилась на старика тем же пустым взглядом и без всякого выражения на лице. Перерожденные иначе не умели. Даже когда они убивали, их лица оставались невозмутимо-расслабленными, а глаза – безучастными.

Варравир потрепал мертвягу по плечу и пошел к большому сундуку у стены. Поднял крышку, тяжело опустился на колено, непослушными руками принялся доставать вещи. Дивва отрешенно следила, как старик выкладывает на пол ее платья, шали, платки. Наконец Варравир нашел что искал: было слышно, как стукнула крышка шкатулки или небольшого ящика, затем старик закрыл сундук и со второй попытки поднялся. Кренясь на левую сторону и морщась, обернулся. В руках у него был полосатый указок: деревянные полосы чередовались со стальными. Или серебряными? Издалека не разобрать.

Дорал сделал шаг вперед и тут же остановился: Дивва обернулась на звук. Гасталла тоже поднялся, встал рядом. Наверное, со стороны маги в этот вздох выглядели не по-доброму. Быть может, астроном даже пожалел, что поверил их обещаниям.

Аяс сидел неподвижно, вцепившись в столешницу, взгляд его бегал – на Дорала, на Дивву, на Варравира.

Астроном торопливо сделал шаг, другой. Схватился за сердце. Попытался что-то сказать, но из горла вырвалось только тихое сипение.

Дорал бросился вперед, словно хотел одним прыжком преодолеть десять шагов и подхватить Варравира. Гасталла схватил его за плечо. Дивва заворчала и поднялась, сутулая, как обезьяна, наклонила голову и заворчала снова, громче.

Варравир на подгибающихся ногах сделал еще два шага, глухо застонал и стал оседать, медленно и неловко – сперва на колено, потом на другое, поднял трясущуюся голову, попытался что-то сказать, но снова лишь невнятно засипел – и растянулся подле Диввы.

Дорал охнул. Аяс зажмурился. Гасталла с непонятым выражением лица смотрел на покотившийся к двери полосатый указок и на астронома, недвижимо лежащего на полу у ног своей жены-мертвяги.

* * *

Воистину счастливы те мужья и жены, которые всю свою жизнь умели не просто жить рядом, не только любить друг друга, но и смотреть на мир одними глазами. Наверняка умный, образованный Варравир и его добрая, мудрая Дивва были именно такой семьей. Именно такой редкой и удивительной семьей, которая у одних людей вызывает зависть, у других – восхищение, а третьих убеждает: что бы там ни говорили, а искреннюю любовь и дружбу возможно пронести в своем сердце сквозь многие десятки лет.

Пока смерть не разлучит вас.

А если даже смерть вас не разлучит...

У южных ворот Арканата потихоньку собирались в дорогу люди. Придирчиво осматривали телеги, устраивали на них матрасы и тюки с вещами, запасали воду в деревянные баклаги.

А у северных ворот стражники отстреливали собак и волков, что десятками сбегались от погоста на приманку.

Собаки и волки были странные, шальные, вели себя совсем не так, как положено хищникам. Они не осторожничали нисколько и не чуяли подвоха, и даже трупы других собак и волков под помостом их не пугали. Они просто слепо и жадно лезли к закрепленной на помосте приманке, к паре последних в округе мертвяг – босой женщине в темно-синем платье и мужчине в добротной домашней одежде.

Собак и волков отстреливали из самострелов стражники со стен. Им помогали три мага, сменяя друг друга и временами сердито переругиваясь.

Потом, когда будет убито последнее животное-людоед, стражники вместе с магами пройдут до старого погоста, изучат окрестности в поисках заплутавшего зверя. А после, уверившись, что дороги избавлены от опасности, маги и стражники сядут в телеги и поедут вместе с последними горожанами прочь. Куда?

Все говорят, что нужно отправляться в город Тамбо, где находится Магическая Школа. Что если кто и может спасти Ортай и весь Идорис от мора и голода – так только маги. И что многие люди теперь тянутся туда, в Тамбо.

Все готово к отъезду, приготовлены скудные пожитки горожан, вынесена последняя еда с рыночных складов, собраны люди, которые отсиживались в своих домах. Старшина стражи раздает указания, а лекарь дал добро на перевозку недужных, понадеявшись, что они уже способны выдержать дорогу.

Все ждут только их, магов и стражников, которые не могут отправиться в путь, не выполнив свой последний долг.

Долг стражей перед окончательно умершим городом.

Глава 2. Приказано сжечь

Только лишившись надежды, а с нею – сожалений, люди начинают сознавать, на что они способны. С полной решимостью и без лишних сомнений действует лишь человек, который не рассчитывает на других.
Из вступления в обучающий курс для боевых магов

Страшные истории любят не только дети – взрослые охочи до них ничуть не меньше.

Только взрослые предпочитают пугаться понарошку. Так, чтобы сказать: «Хвала Божине, это лишь выдумки!» и пойти заниматься своими привычными делами. А вот правдивых страшных историй взрослые люди страсть как не любят, и слушают их с угрюмыми лицами, собравшись плотным кружком у подготовленного к вечеру кострища и глядя на рассказчика исподлобья.

Именно такие угрюмые люди сидели в одном из тележных колец, огораживающих лагерь приезжих. Подобных лагерей было нынче много и в пригороде Тамбо, и в самом городе. Поперек заведенных издавна правил, городские ворота целыми днями стояли нараспашку, люди свободно ходили туда-сюда – а вот ворота Магической Школы были заперты уже очень давно.

Три месяца назад из Тамбо куда-то пропали все маги, что жили и работали в городе. Но из Школы они не ушли: каждый вечер верхняя часть самой большой ее башни освещалась волшебными огнями – в точности так, как в другие вечера за год, десять, сто лет до этого. Когда загорались огни, то казалось, что верхушка башни сама собою плывет над городом, как сказочный летающий корабль.

По вечерам горожане и приезжие выходили на улицы и оборачивались к школьной башне, гадая, осветится ли она сегодня. И когда загорались огни, люди вздыхали с облегчением: маги здесь, маги рядом, и уж они-то наверняка знают, как действовать в этом помешавшемся мире, чтобы вернуть ортайцам их размеренную и привычную жизнь.

* * *

– И когда в Недре, далеко на севере, позасыпали стражи-драконы – некому стало уберечь наш мир от демонов! – Рассказчик, худой востроносый мужичок, стоял у кострища. Волосы его были встрепаны, а штаны и рубаха выглядели так, словно он в них же спал на сеновале. – И пришли они к нам, демоны, пробили двери из иных краев, через магонов Азугай и через Миры-междумирья. Пришли, значит, демоны, в Идорис и стали таиться, потому как сила их тогда невелика была. И прятались они в лесах дриадских, а дриады им помогали, потому как... ну, потому как...

– Потому как дриады – поганки, вот и весь сказ! – стукнул по земле палкой сухонький бородатый старик в теплой не по погоде одежде. Его большие руки дрожали, тряслась голова, дребезжал треснутый голос, но смотрел он сердито и твердо. – Поганки дриады! Исстари привечают всяческую дрянь, не изничтожают в своем крае вредителей, вот там и водится всяческий страх Божинин! Пауки огромные, резуны летучие, змейство гнусное! Леса разрастаются без счета и ухода, почитай, весь край дриадский и есть лес! К чему такое небрежение ведет, а? Вот демоны и завелись среди прочего дрянца!

Старик снова стукнул палкой по земле. Рассказчик, сбившийся с мысли, посмотрел на дедка сердито и не ответил.

– И вот, значит, стали демоны подсовывать нашим детишкам амулетики для перехода по порталам в Миры-междумирья, что лежат промеж нашим Идорисом и магоновым Азугаем.

А магоны, в свой черед, могут попадать в междумирье из своего Азугая, но только магоны в междумирье разума лишаются, а с нашими детишками ничего плохого там не делается.

– Да что мы, в Мирах не бывали? – цокнул языком толстый детина в кожаном фартуке. – Сами ходили, когда были подлетками, и все знаем. Дальше-то чего случилось? Как все это паскудство разрослось, ты вот что скажи!

– Так я и говорю! Раз сами в Мирах-междумириях бывали, так знаете, что любят у нас в Идорисе тамошние диковинки – кинжальчики всяческие, наконечники для стрел, Карты магические опять же, а еще...

– Крышталы те мерзкие, что Божине противны! – Дедок заколотил палкой по земле.

– Кристаллы, что по-разному действуют, – словно не замечая дедка, продолжал рассказчик. – И мы быстро узнали о чудесных свойствах Кристаллов. Что одни подлечивают, другие магам помогают, третьи успокаивают и дарят силу... но мы не знали, что вдобавок все Кристаллы источают особую сущность. Она чужда Идорису, потому как принесена из иных миров, – а вот для демонов она родная и привычная, всячески им помогающая...

– Говорили вам старики – не трожьте те Крышталы поганые, олухи! – зашелся дедок. – Говорили, говорили, говорили, а вы чего, ну, чего вы, бестолочи, бестолочи! Отмахивались, смеялись! Досмеялись теперича, весело вам, а?

Сидящие в круге опустили глаза, а детина в фартуке быстро спрятал руки за спину, словно в каждой его ладони было зажато по жмене Кристаллов. Невозмутимым остался только рассказчик и два высоких темноволосых типа, что сидели на ящиках во внешней части круга. Они не были похожи на других слушателей – одеты лучше, держатся спокойно, глядят совсем по-иному. Похоже, они просто шли мимо, но задержались, услышав интересный разговор.

– Ну и вот, – сердито повысил голос рассказчик, – частью демонам помогала сущность Кристаллов, которые из Миров-междумирий тащат сюда подлетки без числа и учета. А частью, сами того не ведая, им подсобили призорцы – демоны ж помалу их сманивали в дриадские леса, в которых затаились. А в наших землях без призорцев нарушался обычный уклад: лешак не вытерпел человеческого небрежения и ушел – не стало порядка в лесу, водник или хатник потерял силу от людского неверия – нет ладу в реке, нет защиты в доме, ушел скальник...

– Да поняли мы, поняли. – Детина в кожаном фартуке перевалился с одной ноги на другую. – Затеялся еще всех призорцев перечислить. Только ты вот чего скажи: а разве бы призорцы тикали в Даэли к дриадам и к демонам, если б мы относились по совести ко всем этим банникам и лешакам? Это ж мы сами, безо всяких демонов, стали селиться в больших городах, которых не любят хатники. Это ж мы леса рубили без счета и порядка, мы реки запруживали, болота сушили опять же, а там багники мерли. В этом чего – демоны виноваты?

– Нет, – твердо ответил рассказчик, – в этом наша сущность безмозглая виновата, но демоны-то ловко ей попользовались! Потому как природа призорца близка к демонической, и чем больше призорцев в округе – тем проще демонам копить свою силу. И вот теперича, когда силу они накопили – приходит их власть, их воля! Теперича выживут они нас с наших земель, попортят тут все, иссушат, и одно нам останется, люди, – пропасть бесследно с лица земли, потому как нет у нас сил, чтоб супротивиться демонам!

– Тьху, – дедок оперся на палку и подался вперед так сильно, что чуть было не сверзился с ящика, – говорил-говорил складно и по правде все, а в оконцовке лег да помер. Маги-то чего? Не сдюжат, штоль? Вон огни на башне кажен вечер трепыхают! Чего-то чаруют, выходит, чего-то задумали!

– Да что маги-то супротив демонов, – протянул молодой орк с другой стороны круга.

Дедок пожевал губами и покрепче вцепился в свою палку. Несколько вздохов в круге было тихо.

– Жутчают огни на башне, – наконец сказал детина в фартуке. – С каждым вечером все краснее становятся. Как бы не сполыхнуло взаправду-то.

Один из темноволосых, что сидели с внешней стороны круга, потянул другого за рукав, оба тихонько поднялись и направились в сторону распахнутых городских ворот. Рассказчик проводил их задумчивым взглядом и подытожил:

– Жутчают или не жутчают, а нет надежды ни на кого, кроме магов.

– Это верно, – подумав, согласился детина. – К тому же они ведь уже помогают, правда же? Откуда тут на всех приезжих еда берется, в округе-то давно ничего не растет, все поселки пустые стоят, вона даже деревья посохлые все до последнего! А еды у нас вдосталь. Значит, что? Маги чаруют, больше некому! И от демонов они нас спасут, знамо дело! Кто ж еще, если не маги-то?

* * *

За день пути до Тамбо магистр отправил ректору магического вестника, птаха. Гасталла видел, с каким напряжением Дорал ожидал того, что последует дальше: как сжимались в нитку его губы, как прорезались морщины на лбу, какими невидящими глазами смотрел на дорогу. В тот день некромант заподозрил, что магистр много старше, чем кажется на первый взгляд и даже на второй, что лет ему, пожалуй, не тридцать, а все сорок. И еще некроманта удивило, что магистр начаровал вестника: создавать птахов умели только маги воздушного начала, а Гасталла до того дня был уверен, что спокойный, рассудительный, бесконечно терпеливый Дорал – маг начала земного.

Созданный магистром вестник-птах не вернулся, а значит – нашел обретателя. Дорал было успокоился, однако время шло, ответной весточки не было, и магистр снова встревожился.

– И дался этот баечник, только время потеряли, – укорил Дорал, когда тележный круг остался позади. – Впервые слышишь сказку про демонов?

– Нет, – невозмутимо отвечивал Гасталла. – Про демонов слышу не впервые, про Азугай, про Кристаллы, про призорцев – про все не впервые слышу. Кроме драконов. Про драконов до сих пор ни один баечник не говорил.

– Верно, – помолчав, согласился Дорал, – про драконов я тоже раньше не слыхал. Ну и что? Каждый баечник добавляет к расхожим историям небылицы особенные, свои собственные, никем больше не придуманные – чтобы увлечь слушателя, взбудоражить его чувства и разум, да получить пару лишних медяков.

– Так-то оно да, – столь же невозмутимо согласился некромант, – но драконы в Недре позасыпали лет сто двадцать назад, а порталы появились как раз вскорости после этого. И ты помнишь, как Варравир рассказывал про звездные соединения?

– Ты, омерзительный бездушный человек! – рассердился Дорал. – Не смей поминать несчастного старика! Мне все еще хочется свернуть тебе шею за то, что ты с ним сделал!

– Я сделал лишь то, что обещал ему! – в десятый раз за последние дни повторил Гасталла.

– Обратив его в мертвягу!

– Не разлучив его с женой после смерти.

– И потом упокоив обоих!

– А что с ними еще было делать, когда зверье перебили? Да и реликвию требовалось разрядить. Как еще я мог это сделать? Выкинуть ее в компостную яму? Сунуть в котомку и надеяться на лучшее? А перерожденные? Вот ты сам, магистр, – ты бы оставил двоих мертвяг в пустом городе? Вот была б радость первому, кто пройдет через ворота, – пустой город и пара мертвяг! Или крысы, отожранные на человечине!

Дорал упрямо поджал губы.

– Так вот, – успокаиваясь, продолжал некромант, – Варравир видел по краям неба два противостоящих звездных соединения: Старшего Змея и Демонов Хвост, верно? Так ведь дракон – он и есть старший змей!

– Божиня милосердная, – пробормотал Дорал, – живой и действующий некромант доказывает мне правдивость историй про демонов, которые всех нас сожрут. А еще говорят, что вы меньше прочих в байки верите. Мир помешался.

– Помешался, – легко согласился Гасталла. – Само собою, мир помешался. А вот второй вопрос, который меня занимает: эти байки – они давно известны. Еще в детстве я слышал про кочевых демонов, Азугай, призорцев, Кристаллы и смерть нашего мира. Только вот в моем детстве еще мало было призорцев, которые бросали свои края. Понимаешь? Уходящих призорцев было мало, а байки про это уже говорили, упреждали про их исход как про дело решенное! А теперь в байке появляются драконы. Раньше драконов в байке не было, а теперь они есть! И Варравир видел в небе противостояние демонической и драконьей сущности.

– К чему ты ведешь?

Магистр остановился посреди улицы, сложил руки на груди. Шедшая навстречу пара обогнула его широкой дугой, уважительно косясь. Высокий, патлатый, насупленный – загляденье. Пиши с него что хочешь – хоть картину, хоть героя байки, которую потом можно с успехом рассказывать слушателям в тележном кругу.

Гасталле нестерпимо захотелось скорчить магистру рожу. В последний раз такое желание у него появлялось лет двадцать назад, во время собственной учебы в Магической Школе.

– К тому, что байку про демонов, которая никакая не байка, нам подбросили сто лет назад. И тот баечник знал, что произошло. И что бывает, когда в новый мир приходят кочевые демоны. Кто мог быть таким баечником?

– Я не знаю. – Дорал сунул руки в карманы куртки и как-то не то чтобы ссутулился, но словно стал на четверть меньше. – Пойдем, подберемся к Школе.

– А что, – оживился некромант, – ты придумал, как пройти через ворота? Туда же нельзя попасть, сиганув через забор или приставив лесенку, да? Сигануть через забор не получится, потому ты собираешься сделать подкоп, верно?

Дорал мотнул головой и ускорил шаг. Ему хотелось пройти по улицам Тамбо как можно быстрее. Не вглядываться. Не вдумываться.

Широченные мощеные дороги стали уже прежнего – у стен и заборов стояли телеги, бочки, ящики, валялся мусор. Не ощущалось магических истечений, которыми город был переполнен в прошлые времена. Узкие трехэтажные дома с башенками и коваными оградами, когда-то такие нарядные, теперь стояли грязными, с некрашеными ставнями, с лохмами паутины между изгибамиковки. Растительность в этой части Ортая высохла вся, и крылечки без пушистых цветов в вазонах и дикого винограда выглядели замерзшими. Дорал снова порадовался, что Аяс и жители столицы, когда увидели такой упадок, передумали поворачивать в Тамбо и забрали к юго-востоку, на Кали.

Однако город был жив и наполнен людьми, наверное, как никогда прежде. Тамбо лихорадило. Слишком много магов исчезло куда-то, слишком много новых людей прибыло, и они не собирались ухаживать за городом, работать здесь, обосновываться надолго. Они просто сидели и ждали явления всемогущих магов, которые всех спасут.

И Доралу не хотелось встречаться глазами с этими людьми, которые рассчитывали на магов, а значит – и на него тоже.

Да теперь еще эта ерунда, сказанная Гасталлой, не шла из головы. По наставничьей привычке Дорал вертел ее и так и сяк, пытаясь или подтвердить, или опровергнуть мысли, высказанные некромантом.

– Кристаллы много раз подвергали опытам, – вслух подумал он, – их изучали и расковыривали со всех сторон, и никаких истечений не обнаружили. От них не исходит магии. Что это значит?

– Ничего. Мы не чуем чужеродную магию, – высказал Гасталла любимое возражение людей, которые верили в дедовские байки про демонов.

Дорал пожал плечами – а что на такое ответишь?

– Именно поэтому мы не чуем *никаких* истечений от Кристаллов, – добавил Гасталла. – Ведь действия, которые оказывают Кристаллы, – все эти исцеления, дарования сил и прочее – они могут иметь только магическую природу, а как еще? Кристалл-то по сути – маленькая реликвия, которая никогда не истощается, и мы должны бы ощущать его так же, как реликвию. Но мы присутствие реликвий ощущаем, а присутствие Кристаллов – нет. Значит, мы их магию не чуем и знать не можем, чего в них понасунуто кроме тех воздействий, что нам известны.

Дорал кивнул – не согласиться не получалось. Магистр не верил в демонов, не верил в их заговоры, но Гасталла говорил разумно, и Дорал решил обсудить вопрос Кристаллов с ректором, когда наконец до него доберется.

Магистру очень не хотелось думать, что с ректором случилось худшее. Кто-то ведь зажигает на башне огни!

* * *

– Ничего не получилось, – заметил Гасталла. – Не получилось ничего. А что должно было явиться?

Дорал пару вздохов мрачно смотрел в то место, где ожидал увидеть дымчато-голубую рамку.

– Портал, – сухо ответил магистр. – Я хотел создать портал в свою комнату в Школе.

Дорал не был здесь полтора года, но Школа выглядела так, словно он вернулся через полтора столетия. Там и сям раскрошился камень, частью была провалена крыша, во многих окнах недоставало стекол. Оплетающий стены дикий виноград, сухой, как все растения вокруг, походил на скрюченные пальцы мертвеца. Нетронутой выглядела только самая высокая башня, в которой находился кабинет ректора, канцелярия, бумажохранилище, зал для собраний и все прочее, что нужно Школе для неучебных надобностей.

– Не получилось, – повторил некромант.

– Не получилось, – согласился Дорал, заложил руки за спину и медленно прошелся вдоль забора. – Что это должно означать? Портал возможно открыть в такое место, которое никому не принадлежит, – раз. Можно также открыть портал в место, хозяин которого это явственно позволил, – два. Я не смог создать портал, ведущий в мою собственную комнату, – что это означает?

– Что комната уже не твоя, – сообразил Гасталла, – во как ловко-то! Была твоя – стала не твоя!

– Это первое объяснение, – спокойно, словно соглашаясь с учеником на занятии, кивнул Дорал. – Но на правду оно не походит – Школа пустует. Там нет никого, кому могло понадобиться мое жилище.

– Почему ты знаешь? – пожал плечами некромант. – Там не пойми чего творится, может, и комнату твою кто-нибудь присвоил... а другое объяснение имеется?

– Да. – Дорал остановился и прищурился на высокую башню. – Комната может быть разрушена. Ты погляди, в каком состоянии Школа! И как ее до такого довели? С драконами тут сражались, что ли?... Может, в моей комнате просто обвалился потолок или что-то в этом роде.

– А ты не можешь открыть нам портал во двор или в какой-нибудь коридорчик?

– Без позволения ректора – нет. Он отвечает за Школу, он же считается ее хозяином. Так что я пока не могу сообразить, что нам делать дальше.

Из тоскливой задумчивости, в которую погрузились маги, их выдернул окрик:

– Дорал! Дорал, это ты, старый пень?!

Магистр обернулся на голос, прищурился: уже смеркалось.

Вдоль забора размашисто шагал молодой мужчина. Улыбка во весь рот, Гасталле так и захотелось сказать – лошадиная, лицо простецкое и открытое, загорелое, волосы каштаново-рыжие и темные у корней – выгоревшие. По одному этому загару и волосам некромант понял, что лето мужчина провел в Меравии, можно было даже не глядеть на его дурацкую куртку с широкими рукавами чуть ниже локтя, какие повадились носить меравийцы в последние несколько лет.

Привычно отыскав в незнакомом человеке раздражающие черты, Гасталла чуть слышно фыркнул. А Дорал, расплывшись в ответной конячески-зубастой улыбке, пошел незнакомцу навстречу:

– Кальен! Ты откуда взялся? Решился по старости записаться в Школу, стать приличным магом?

Мужчины рассмеялись, хотя, по мнению Гасталлы, ничего смешного тут не было, и обнялись, крепко постучав друг друга по плечам.

Из слов магистра некромант заключил, что Кальен – маг-самоучка, развивший свой дар без участия Магической Школы. Обыкновенное дело – в Школу отправлялся хорошо если один маг из пяти. Только что делать полусильному самоучке в Тамбо, самом магическом городе шести краев Идориса?

Непонятным был и обоюдный телячий восторг от этой встречи. Обученные маги и обычные люди относились к самоучкам с небрежительным снисхождением, как к заносчивым детям. А самоучки презирали обученных магов, потому что те добровольно связывали себя ответственностью перед Школой и всякими там «путями жизнепознания».

И вдруг нá тебе: встречаются школьный магистр с самоучкой и начинают обниматься, радостно вопя.

Мир таки спятил!

* * *

Кальен увлек магов в ближайшую таверну, вцепившись в магистра, как оценил Гасталла, чисто щучьей хваткой.

Залпом осушив полкружки сидра, новый знакомец изложил новости вперемешку с собственными соображениями, и были эти новости такими, что у Дорала и Гасталлы челюсти отвисли.

Кальен заявил, что ректор продался демонам, которые помалу перестают скрываться и намерены обжиться во всех краях Идориса, выйти за пределы Даэли – и чем меньше там останется людей, тем демонам удобней. И что сильнее прочих демонам мешают маги, поскольку их калачами не корми – дай только сделать людям хорошо и от чего-нибудь их защитить. Уничтожить всех магов скопом демоны не могут – зато могут сделать так, чтобы паршивые колдуны больше не множились, и постепенно убить человеческое доверие к ним.

– Вот скажи мне, что с ортайской Школой? – Кальен стукнул по столу кружкой. – Не действует больше Школа, не берет учеников. Скажешь, ректор испугался тех чокнутых, что грозились сжечь город вместе с магами? Тогда, два года назад, ваши магистры могли разметать эту шайку крикунов, не утруждаясь! Так нет, ректор взял и перепугался, уверял, что на него столичный совет давил, – чушь! А меравийская Школа что? Не испугалась! И где она теперь? То-то и оно!

Дорал поначалу возражал, но затем примолк, слушал Кальена внимательно и, как показалось Гасталле, серьезно. А нового знакомого несло по кочкам дальше: он говорил, что кто-то нарочно подогревает надежду людей на местных магов и делает так, чтобы побольше народу собиралось в Тамбо. Этот кто-то даже подкармливает людей, начаровывая еду. Ведь западный край почти обезлюдел – погибла вся зелень, еще весной люди целыми деревнями уходили в южный и северный Ортай, и даже в центральный – в города и поселки близ тропных лесов, которых в прежние времена остерегались.

Западный Ортай мертв – но в Тамбо в досталь еды! Демоновы происки, вот и весь сказ!

И теперь остается последнее – разрушить веру в магическую помощь, разочаровать людей жестоко и напрочь, зародить злость на магов, которые их обманули. И сделает это ректор, который, по всему выходит, подкуплен демонами в обмен на какие-нибудь выгоды.

– Ну ты совсем уже! – возмутился Дорал. – Я ректора знаю много лет, с тех пор, как сам пришел учиться в Школу. Он до потрохов пропитан сознанием маговского назначения – помогать людям! Он живет в этом назначении, понимаешь, оно – сущность, основание. Ректор не может сделать такого, о чем ты говоришь, не отказавшись от самой своей природы!

– Значит, отказался, – упрямо мотнул головой Кальен. – Ты видал огни на башне? Нет, конечно, иначе бы сам понял. Это не простые светляки, Дорал, это уже давно никакие не светляки вовсе – он там чарует Стылый Жар, самый настоящий Стылый Жар!

Гасталла фыркнул в свою кружку. Зачем кому-то тратить уйму времени и сил на мутное выращивание заклинания, способного сжечь камень? Если бы ректор в самом деле спятил и захотел разнести Школу по кускам, то мог бы использовать что-нибудь вроде Разлада – вышло бы ничуть не хуже и куда быстрее.

Кальен исподлбья зыркнул на некроманта и продолжил, обращаясь к Доралу:

– Я потому и обрадовался, когда тебя увидел. Я ж в городе торчу с хлебобродня, ищу знакомых магов. Таких, чтоб не приняли меня за безумца. И у которых есть на примете хороший искатель. Я каждый вечер вижу, как светится башня, и поверь мне, сегодня-завтра ей конец придет... А знакомцев среди магов у меня, сам знаешь, не то чтобы много, да и те немногие куда-то подевались все. Улайла приезжала, но меня и слушать не стала. Недавно Тумага встретил, но когда я его спросил про искателя, он отчего-то ругаться начал. Что с этими орками происходит, не знаешь? В Гижукe, говорят, с ума посходили всем краем, так теперь и у нас то же самое? Оровое поветрие? Они ж спокойные всегда были, как буренки, и тут такое! Словом, я уже отчаялся, уезжать решил, – и тут ты идешь! Ну прям подарок Божинин! Так ты мне скажи, друг дорогой: знаешь ли хорошего искателя, прям очень хорошего, исключительного искателя?

– Знаю, – неохотно ответил Дорал. – Только она далеко. И просто так я тебя к ней не отведу. Уж прости, мой не менее дорогой друг. Зачем тебе искатель?

– О, это такая история! – Кальен бросил взгляд на опустевшие кружки, обернулся к трактирщику, но от того виднелась только спина и затылок. Все остальное находилось за дверью, ведущей в кухню, и что-то туда орало. Кальен поднялся. – Погоди полвздоха, попрошу сидра.

Когда он отошел, Гасталла поставил локти на стол и уставился на Дорала.

– А я что? – развел руками тот. – Сам удивлен. Но Кальена я знаю давно, он честный и разумный человек! Он мне жизнь спас однажды, если на то пошло. В Меравии твоей, я влез в наглево гнездо и меня искушали страшно, если б не Кальен – давно бы у Божини под порогом трескал пироги. Он лекарь, и притом очень хороший для самоучки. Сколько я его знаю – не бывало такого, чтобы он солгал или навывдумывал ерунды. Если он говорит что-то с таким запалом – значит, сам в это верит.

– Но почему он в это верит-то? И главное – как складно все выходит у него!

Кальен вернулся с тремя кружками, ногой отодвинул край лавки.

– Слушай, Дорал, а твой искатель – это не Аэриль? Я против нее, конечно, ничего не имею, но мне нужен маг посильнее. Ты ж понимаешь, она – самый обычный искатель, а мне нужен исключительный! Аэриль не потянет – уж не обижайся, а знаю, что вы с ней много лет...

– Аэриль. – Дорал хлопнул себя по лбу и поднялся. – Гасталла, вставай. Кальен, позже расскажешь, хорошо? Нам нужно попасть в Школу, пока...

Распахнулась настежь дверь, сухо стукнула о стену. Снаружи, из загустевших сумерек, внутрь влился горький запах и мужской вопль:

– Гори-ит!

* * *

За те полтора года, что Дорал не был в Тамбо, он просто позабыл про Аэриль и про разрешение на создание портала в ее комнату. Магистр вообще был исключительно поверхностен в отношениях с женщинами – это всегда оказывалось для них неприятным открытием, поскольку своим рвением в наставническом деле Дорал производил впечатление человека ответственного и надежного.

Теперь, вывалившись из портала в комнате Аэриль, Дорал словно оказался в прошлом, в своей прежней жизни – бурной, хлопотной, полной забот и увлекательных приключений. Все тут было как прежде: узкая кровать под лоскутным одеялом, сундук – открытый, словно хозяйка покидала жилье второпях, и Дорал в тот же вздох вспомнил, как противно скрипела крышка этого сундука. Круглый приземистый стол на том же месте, и даже посуда на нем стоит, и стул справа отодвинут в точности как прежде, когда Дорал не мог пройти мимо, не зацепившись за него ногой и не выразившись неподобающим магистру образом. Все на тех же местах и в том же виде, как ему запомнилось из старой школьной жизни. Только раньше здесь пахло сухими травами и яблоками, а теперь в комнате стоял сырой и затхлый запах давно брошенного дома. И толстый слой пыли на всем – словно дымка, делающая неверной и хрупкой саму память о тех недавних, но таких далеких годах.

– Шевелись, магистр! – Окрик Гасталлы выдернул Дорала из совершенно не присущего ему состояния тихого умиления.

И через призраки несуществующих запахов, голосов, прикосновений прорезался треск и хрупанье. Главная башня была неподалеку – нужно лишь пройти через короткий коридор и галерею, да отворить потемневшую окованную дверь с ржавой пылью у петель. За дверью будет широкая каменная лестница дугой и кабинет ректора через один пролет...

Только вот башня горит!

Коридор заканчивался горами битых камней, от галереи осталось только подобие моста: обрушилась стена, выходящая к школьному забору, крыши тоже не было.

Да и не нужна была никакая дурацкая крыша! Она бы помешала разглядеть горящую башню вблизи, с расстояния тридцати шагов. И стена была не нужна – иначе не было бы видно, сколько собралось за забором людей, не так хорошо слышны были бы их крики.

Все это в полвздоха пронеслось в мыслях Дорала и пропало. Осталась только медленно пожираемая огнем башня Школы. Единственное место в мире и Мирах, которое Дорал мог считать своим домом.

Стылый Жар, разьедающий камни, был неумолим, нетороплив и величественно-прекрасен, как всякое истинно разрушительное явление.

Он охватывал башню по всей высоте, оставляя свободным лишь тот самый дверной проем в конце галерейки. Огонь поглощал камень, вгрызаясь вглубь, и приглушенное красное свечение становилось все светлее и ярче. Было слышно, как вздыхает пожираемый огнем камень, и в этом звуке была тоскливая безысходность, будто башня знала, что Стылый Жар нельзя остановить, будто она понимала, что умирает.

Умирает на глазах у всего города. Под истошные крики людей, перед которыми рушится их последняя надежда на спасение. Под грохот, с которым сотни рук колотят по толстым прутьям неразрушаемой ограды. Под безмолвный вопль своего воспитанника, который опоздал совсем немного, быть может, на считанные вздохи – безнадежно, безвозвратно опоздал.

– Дорал, сынок, ты как здесь, откуда?

Ни магистр, ни Гасталла не заметили, откуда появился старик. Верно, вышел из горячей башни – не случайно же Стылый Жар так бережно обходил дверь. Старик был полный, аккуратный, и отчего-то он вызывал доверие, хотя каждая черта лица по отдельности выглядела неприятной – крючковатый нос, тонкие губы, сильно отвисшая складка под подбородком. Пламя горячей башни подсвечивало сзади густые серые волосы, и они казались зловещими, алыми.

– Ректор!

Лицо Дорала разгладилось, магистр подался вперед, точно хотел убедиться, что глаза его не обманывают, что ректор в самом деле жив, цел, в здравом разуме... Только если ректор в своем уме, то кто же вырастил Стылый Жар?

– В башне был кто-то еще? – влез Гасталла, тоже сделал шаг вперед.

Ректор посмотрел на него непонимающе, словно только теперь заметив, мотнул головой: нет, никого.

– Получается, – некромант обернулся к Доралу, – получается, что это все-таки старик уничтожает Школу? Так тут одно из двух: или старик спятил, или вправду продался демонам. Ты как хочешь, а я теперь во все поверю.

– Вы уже знаете, – ректор мягко улыбнулся, – это хорошо, Дорал, сынок, это хорошо, потому что времени нет, не до объяснений. Не хотел я, чтоб ты это видел. Уходи, сынок, уезжай отсюда подальше, за море, ты слышишь меня?

– Какое, к демону, море? – Магистр сделал еще шаг вперед, взгляделся в лицо старика, словно искал в знакомых чертах – чужие.

Ректор выглядел совершенно обычно, только обычный ректор не мог говорить ничего подобного.

Огонь ярко освещал остатки галереи, выхватывая ее из сгустившейся тьмы. Люди за забором кричали все исступленней, но было непонятно, видят ли они магов или смотрят только на башню.

– Зачем ты сжигаешь Школу, старый дуралей? – снова встрял Гасталла. – Чего тебе демоны наобещали за сожженную Школу, а? Жизнь или кошелек?

– И то, и другое, – тонкие губы дрогнули в улыбке, – и еще новый дом далеко отсюда. Но главное не во мне. Главное в людях. Дорал, сынок, не думай обо мне плохо. Мы ничего не смогли бы сделать, Идорис обречен, понимаешь? Спасутся лишь те, кто уедет за море, туда большая сушь доберется не скоро, на человеческий век спасения хватит. Уезжай, сынок, слышишь меня?

– Да как ты мог такое сделать! – заорал магистр. – Какие демоны, какое море, это же Школа, это же твой дом тоже, ты же в нее вложил столько, сколько никто...

Старик покачал головой и полез за пазуху. Гасталла упреждающе поднял руку со слабо засветившимися пальцами, Дорал шагнул к некроманту, становясь между ним и ректором, но тот вытащил из-под куртки всего лишь костяной свисток на кожаном шнурке. Сильно дунул в него, не издав ни звука, и снова сунул за пазуху.

Гасталла и Дорал переглянулись. Стылый Жар, разгоревшийся в полную силу, бросал на их лица отблески: желтые, алые, красные, и в этих отсветах казалось, будто лица искажаются страшными болезненными гримасами.

– Мне, сынок, трудно было решиться. Но что я за ректор, если не позабочусь о людях и магах в такое страшное время? Последним росчерком... Мы не можем противостоять этому,

сынок. В Идорисе больше нет надежды. Пусть все это поймут, прямо сей вздох пусть поймут – тогда хоть сколько-то народу уедет отсюда. И ты уезжай, сынок, слышишь? Ты ничем тут уже не поможешь.

Со стороны другого крыла Школы послышались мощные хлопки, словно чьи-то гигантские руки трясли огромный отрез плотной ткани. Толпа на улице закричала испуганно и удивленно, и тут же галерейку накрыла крупная тень.

– Не могу взять тебя с собой, сынок. Выбирайся отсюда, открывай портал в город, там пусто, все люди здесь собрались. Выбирайся и уезжай, за Южное море или за Эллорское, слышишь, сынок?

Существо, висящее в воздухе перед галерейкой, выглядело орлом-переростком, сросшимся с дикой кошкой. Только что это за кошка такая, в полтора раза крупнее лошади? В отсветах пламени было непонятно, какого цвета у него перья – то ли серые, то ли грязно-белые.

– Грифон! – завопил Гасталла. – Нет, ты понимаешь, демонов подарок! Дриады не продают грифонов людям! Ах ты паскудный мерзкий троллий брат!

Сложив руки на груди, Дорал молча смотрел, как ректор ловко, привычно перебирается на грифонову спину. Оттуда, удерживая нетерпеливо гарцующее в воздухе животное, ректор уже почти кричал:

– Уезжай, сынок! Божиным именем прошу, спасай себя! И меня не кори, постарайся понять...

За забором возмущенно орали и визжали. Теперь-то уж не обратить внимания на галерейку люди не могли, и ректора они наверняка узнали. И видели, как он улетает от горящей Школы на грифоне, хотя дриады не продают своих питомцев чужакам.

Наверное, в глазах людей, собравшихся у школьных ворот, все это выглядело еще хуже, чем было на самом деле, хотя куда хуже-то?

Топать ногами и орать во всю глотку, совсем как в детстве, – вот чего хотелось Доралу в тот вздох, когда грифон и ректор улетали на запад, в сторону Даэли.

* * *

– Теперь в Ортае станет трудно быть магом.

Из блекло-голубой рамки, покачивая бедрами, выступила высокая тень. В первый вздох показалось, что женская.

Длинная сорочка из тонкой ткани без ворота перехвачена на бедрах струистым широким платком, поблескивают амулеты на шее, звякают браслеты на тонких руках. Как живые, переливаются в отблесках факела длинные локоны медового цвета. Глаза огромные, раскосые, взгляд с прищуром. Движения почти человеческие. Подчеркнуто человеческие.

Из вихря медовых локонов вздымаются два маленьких крутых рога прямо надо лбом, бодливо выступают вверх и круто уходят к затылку.

– Какого демона здесь делает демон? – поразился Гасталла и обернулся к Доралу. Увидел выражение лица магистра и безнадежно уточнил: – То есть она не всегда тут была, да? Это не учебное вспоможение, не школьный питомец...

Демоница склонила голову набок, словно примеряясь, как бы половчее начать жевать некроманта. Гасталла смешался и умолк.

– Сам ты демон, – наконец проговорила она. Голос был глухим и с хрипотцой, как будто слова приходилось выталкивать из горла, сразу и не поймешь – говорит она или шипит, – а я – ночница.

Маги смотрели не по-доброму, почти одинаково держали за спинами правые руки, на которые были подвешены какие-то заклятия. Люди за забором уже не кричали, а возбужденно перекликались, слышались глухие стуки и скрежет, по улицам таскали что-то тяжелое. Огонь

на башне оттягивал на себя весь свет в округе, и с галерейки улица выглядела мутным пятном с дымчатыми силуэтами в нем.

– Я не демон, – с непонятным раздражением повторила ночница, – я сберегатель. Призорец, по-вашему.

– И за чем ты в таком виде призорствуешь? – вежливо спросил Дорал.

– За магонами, – просипела ночница и нетерпеливо обернулась на рамку портала, из которого появилась.

Гасталла сделал полшага в сторону, чтобы хорошо видеть портал и того, кто выйдет оттуда. Конечно же, кто-то должен выйти, иначе с чего б эта сберегательница стала оглядываться? Словно не заметив его движения, ночница приложила к груди ладонь с тонкими длинными пальцами:

– Я Дефара. Кальен сказал, у вас есть искатель.

Дорал закрыл глаза, закинул голову и несколько вздохов стоял недвижимо, глубоко и шумно дыша. Потом открыл глаза и сердито сказал:

– Я устал ошалевать. Того и гляди, во все это поверю: в демонов, призорцев за магонами и ректора, который сжег Школу.

– А я понял, отчего выпускники ортайской Школы такие тугодумные остолопы, – заметил Гасталла, – они только и могут, что вырастать тугодумными остолопами, потому как у них наставники именно такие. На кой тебе искатель, ты, призорица?

По ограде загрохотали. Дорал подумал, что теперь, когда ректор бросил Школу и удрал, у места не стало хозяина. Потому и открылся портал для ночницы, и, кажется, забор перестал быть неразрушимым.

Из портала к ногам Дефары выкатились двое сцепившихся мужчин, в одном из которых уже без удивления Дорал узнал Кальена. Тому повезло оказаться сверху и хорошенько приложить второго мужчину затылком о каменный пол.

– А еще лекарь, – только и сказал ему Гасталла.

Кальен виновато развел руками и пробормотал что-то насчет увязавшихся, а потом – насчет башни, которая того и гляди свалится наземь к демонам собачьим. Про ночницу он ничего не сказал, но по нежным взглядам, которыми обменялись маг и сберегательница, Дорал и Гасталла поняли все, что предпочли бы оставить невыясненным.

Дефара взяла один из висевших на шее амулетов, и маги узнали в нем костяной свисток, такой же, какой был у ректора. Ночница дунула в него дважды и скупно бросила:

– Нужно найти Стража.

– Это самый старший дракон, – Кальен немного повысил голос, чтобы его было слышно за гудением Стылого Жара, – его нужно найти и упротить растолкать других драконов. Тогда, может, Идорис еще выживет, а сберегатели смогут убраться назад в Азугай. Но найти главного дракона сможет только очень одаренный искатель! То есть, *может быть*, сможет.

Горящая башня загудела, из глубины каменной кладки раздался треск.

– Конский конь! – Кальен схватил Дорала за руку, потащил дальше, к краю галерейки. Сверху послышалось мощное хлопанье двух пар крыльев. – Ну так что, есть такой искатель у тебя?

– Есть. – Дорал высвободил руку и перехватил запястье Кальена. – Но сначала я хочу увериться, что вы оба говорите правду. Или хотя бы сами верите в то, что говорите. И что вы не спятили сильнее, чем кажется. Ясно?

* * *

К этому вздоху все, кто был в городе, собрались на улице перед Школой, облепили ближайшие деревья, заборы и крыши. Люди хорошо разглядели двух светлокрылых грифонов с

четырьмя всадниками на спинах – грифоны заложили широкую дугу перед оседающей наземь школьной башней и, мощно взмахивая мохнатыми совиными крыльями, полетели на восток.

Глава 3. Заложники пути

Людей стало столько, что Божия уже не могла уследить за всеми. Тогда она отыскала самых достойных человеческих детей своих и одарила их могучей колдовской силой. И назвала их магами, и повелела им спасать людей там, куда сама не поспевает.

Предания, следоуказательный текст

Всадница на серой лошадке отъехала перехода на три от Эллора, когда дорогу ей преградил молодой мужчина на чалом коне. Девушка никак не выразила своего отношения к такому нахальству, объехать всадника не попыталась и даже в лице почти не изменилась, только прищурила ореховые глаза.

Мужчина улыбался, и возле его губ появлялись тонкие морщинки, укориженно качал головой, и длинные темные волосы блестящим покрывалом колыхались на широких плечах. Серо-голубые глаза на ярком свете казались почти синими, и в них угадывалась та самая плутовская искорка, которая, по мнению многих женщин, обладает особой магической притягательностью.

Возможно, в Ортае была всего одна девушка, которая бы отказалась повстречаться на дороге с таким мужчиной, и эта девушка сей вздох находилась прямо перед ним.

– Давай угадаю: ты ее нашла.

Голос у него тоже был хоть куда: красивый, глубокий. Таким голосом только сердечные песни под окнами распевать. Да он и распевал, наверное: за спиной у него болтался музыкальный инструмент, похожий на лютню, но меньше и длиннее, сделанный из диковинного черного дерева.

– Нашла, – неохотно подтвердила девушка.

– И я снова угадаю: после этого тебя малашка укусила в зад, поэтому ты никак не могла дожждаться меня в Эллоре.

Девушка мотнула головой, и короткие соломенные волосы, на вздох взметнувшись, сделали ее похожей на одуванчик. Подсвеченное солнцем лохматое облачко волос так не вязалось с сердитым выражением ее лица, что мужчина рассмеялся.

– Я не маленькая, Шадек. Не нужно меня опекать.

Улыбка исчезла, сменившись нахмуренными бровями и строгим взглядом.

– Как раз потому и нужно, что не маленькая. Не уследишь за тобой, поганкой. Ты знаешь, что на дорогах опасно? Ты знаешь, что с тобой сделают маголовы, если поймают?

– То же самое, что с тобой, – поморщилась девушка, – но ты же едешь один.

– Лишь потому, что ты меня вынуждаешь. Я так и знал: не дождешься, пока мы со стражниками приедем, помчишься домой, как ужаленная. Пришлось проявлять благородство и переться сюда в одиночестве.

– Стражники не с тобой? – удивилась магичка.

– Со мной, – кивнул Шадек, – сей вздох из карманов достану. Сама не видишь, что я один? Вчера переезжие в вербяном городке учинили бедлам, стражники заняты, а Хон – он думал, ты лишний денек подождешь в Эллоре. Но я-то тебя, занозу, знаю. Я-то понимаю, что ты лишнего вздоха не пробудешь вдали от своей жуткой любимой работы! И летний лес тебе не в радость, и покой тебе в тягость, и подруга любимая не занимает. Нет, скорей, скорей в свою стихию! Туда, где болячки, свары, гам и жизнь впроголодь. Вот это дело, это мы понимаем!

– Не стоило ехать одному, – смутилась девушка и легонько пнула лошадку пятками. Та охотно пошла вперед, и пара всадников поехала бок о бок по пыльной, испещренной глубокими рытвинами дороге.

Со стороны это могло сойти за неспешную прогулку молодой пары – красивой пары, потому что невзрачное личико магички с мелкими чертами удивительно гармонировало с яркой внешностью мага, словно напоминая: так заведено в природе, что броскими и заметными бывают самцы, а не самки.

Закончился желтоотравень, но днем еще было тепло почти по-летнему. Солнце подсвечивало светлые листья редких верб и последними прикосновениями ласкало загоревшие лица. Мягкий свет лился на неухоженные поля, с которых мало что удалось убрать в хлебородне и сгребне. Легкий беспокойный ветерок играл клубами пыли и щекотал придорожную траву, в зеленых кочках которой густела седая осенняя сухость.

– Так, значит, девочку ты нашла, – заговорил Шадек. – Но мордашка у тебя мрачная. Все плохо?

– Девочка утонула. Забрела к озерцу с красными рыбками, там вода холодная, ты знаешь. Она, верно, захотела поплавать, было жарко...

– Озерцо с красными рыбками? – переспросил Шадек. – Она что, была в Эллоре? Прошла за граничный морок?

– Ну да, – девушка поморщилась, – как-то прошла. Родителям я этого не сказала, конечно, а в Эллоре теперь переполох. Если все переезжие, что живут в окрестных шалашах, узнают, что там просто морок, что по дороге в Эллор любой болван может пройти, а не только приглашенный эльфами... Представляешь, что там начнется?

– Представляю, – совершенно не впечатленный, скривился Шадек, – эльфам придется потесниться и возиться с людьми, которые потеряли кров. Остроухие не переживут.

Дорога пошла в горку, и оба мага замолчали, оглядываясь по сторонам. По теперешним временам за полдня пути от Эллора до Мошука можно было наткнуться на две-три разбойничьи банды: больно уж им полюбился восточный Ортай, пока не затронутый сушью, куда жители западных селений перебирались целыми семьями.

Без атакующих заклятий, подвешенных на обе руки, маг нынче и за порог не выходил.

В последний год ортайцы все чаще обвиняли магов в том, что сушь надвигается – дескать, «от их извечного колдунства растряслась сама ткань мироустройства, а теперь расползается так, что получают сплошные прорехи». Жрецы вначале напоминали, что маги – любимые дети Божинины и не могут чинить людям вред по сути своей. Но вскоре жрецы, утверждавшие так, разделились на таинственно исчезнувших и стыдливо примолкнувших. А отряды садистов-маголовов обрели повсеместную и дурную славу: если им удавалось изловить «мерзкого чаровника», то ему оставалось только убить себя самому. И как можно быстрее, потому что первым делом маголовы ломали «мерзким чаровникам» пальцы.

– Ты напрасно так говоришь про эллорцев, – заявила магичка, когда пригорок был преодолен. Дальше шел длинный прямой участок дороги. – Они много помогают переезжим, и еду несут, и одежду, и охрану выставили. Даже вместе с ними латают избы в старой дровосековой зимовке...

– Конечно. – Шадек привычным движением дернул за ремешок свой диковинный музыкальный инструмент, пристроил его на седле и принялся перебирать струны. – Зима идет. Либо эльфы помогут переезжим с зимовкой, либо те перемерзнут насмерть в шалашах, и тогда по весне будет вонь стоять на весь Эллор.

– Шадек, это несправедливо! – повысила голос магичка. – Эльфы делают для них все, что могут! Нельзя требовать, чтобы они стали пускать к себе посторонних, это разрушит весь уклад жизни в Эллоре – ну зачем это нужно, а?

– Подумать только, – после продолжительного молчания негромко сказал маг, – подумать только, как ты стала рассуждать с некоторых пор. В прежние времена ты первая бы требовала, чтоб эльфы взяли к себе столько переезжих, сколько получится напихать в Эллор. Чтобы кор-

мили их, поили и в гамаке качали. А теперь говоришь, что держать страдальцев за пограничным мороком – очень даже правильная мысль.

– Ты бы рассуждал точно так же, если б лучше знал прежний Мошук, – резко ответила магичка. – Если бы ты видел, как он меняется с появлением переезжих. Как быстро они начинают думать, что жители менее пострадавших поселений чем-то им обязаны...

– А ведь ты возишься с ними, – перебил Шадек. – Целыми днями носишься по вербяному городку среди переезжих да ищешь, где бы добро причинить. Как же ты сдерживаешься, чтобы не развешивать по деревьям этих неблагодарных, ужасных людишек, а?

– Я не сдерживаюсь. Иногда убиваю кого-нибудь особенно вонючего.

Шадек рассмеялся, но тут же умолк, увидев, каким непроницаемым остается лицо магички.

– Надеешься спасти всех?

– Надеюсь. Жаль, что нельзя спасти их скопом, поодиночке очень долго получается.

– И вот ты несешься к ним, презрев все прелести своего любимого Эллора, – повторил Шадек.

– Конечно, несусь, – Магичка раздраженно хлопнула ладошкой по седлу. – Я гласный маг города! Людям плохо, и они смотрят на меня с надеждой – что мне остается, не обращать на них внимания? Зажать уши и убежать? Переселиться в Эллор, отгородиться мороком от всего Ортая и любоваться бабочками?

– Я бы так и сделал, – кивнул Шадек, перехватил музыкальный инструмент второй рукой и промурлыкал:

*Там пахнет грибами и вечно-лукавым оранжевым летом,
Басом сердится шмель, заползает от солнца под крышу.
Что тебе снится в Эллоре? А впрочем, не нужно ответа.
Он мне не понравится, знаю, я и не хочу его слышать.*

Магичка вдруг рассмеялась:

– Так что ж не уезжаешь? Тебя ведь тоже пускают туда, как друга Кинфера. Вон, даже отметили особо, подарили эту жуткую бренчалку. Ты когда-нибудь видел вещи из илфредского дерева за пределами Эллора?

– Эта жуткая бренчалка называется «бузука», – в сотый раз напомнил Шадек, – и я не могу перебраться в Эллор, пока мои друзья надрываются гласниками в Мошуке. Вас же там сожрут без меня! А вот как вы с Олем образумитесь – так все вместе и уедем. Уедем же, правда? В Ортае нечего делать, поверь мне, переезжих скоро станет столько, что никакой город не справится, да и Школа, по сути, теперь так, только для вида. Когда ректор в последний раз весточку слал, а? Бросил он нас, вот ухом клянусь!

Магичка снова посмурнела.

– Может, еще обойдется, – проговорила неуверенно, почти просительно.

– Размечталась, – безжалостно припечатал Шадек и начал негромко наигрывать грустную мелодию.

Два года назад новоявленные противники «гадских чародеев», объединившись, собрались двинуться на Тамбо и сжечь его дотла вместе с магами. И даже внутри города нашлось немало людей, поддавшихся новым предубеждениям и поддержавших поджигателей. И, хотя магистры обещали «показать дурным огнеманцам, как мавки кочуют», ректор решил закрыть Школу. Остались только маги пятого-шестого года обучения и их опекаторы, а ученики помладше разъехались по домам или отправились со своими магистрами в Меравию: тамошняя Школа согласилась приютить ортайцев. Остальные магистры уехали кто куда.

В начале нынешнего лета Школу Орта покинули последние полтора десятка обученных магов. А меравийская Школа полгода назад была разрушена ночным землетрясением и погребла под развалинами всех, кто находился внутри.

– И все-таки, – через некоторое время снова заговорил Шадек, – ты убегаешь из Эллора так быстро, будто тебе там не интересно...

– Неправда, очень даже интересно!

– ...или тебя там что-то тяготит. То есть тяготит еще сильнее, чем в Мошуке, хоть он и похож на обитель умалишенных.

Магичка отмалчивалась.

– Как там Умма? – зашел Шадек с другой стороны.

Девушка фыркнула. Маг вздохнул, задвинул бузуку обратно за спину. Придирчиво оглядел подозрительные деревья справа от дороги.

– Ты что, даже не зашла к ней, поганка?

– Ну и не зашла! – повысила голос магичка. – Можешь быть уверен, она даже не заметила!

Обращенная к Шадеку щека и часть уха, которую было видно под короткими волосами, покраснели. Маг улыбнулся.

– Нечего зубы скалить, – сердито заявила девушка. – Ты будто сам не видишь, какая она стала, Умма, после того как...

– После того, как Кинфер погиб.

– После Кинфера она грустила, но хоть была сама на себя похожа. Хотя после той дурацкой выходки с прахом, когда она заявила, что Кинфера убил демон, а никакой не мрыг...

Шадек пожал плечами. Он был согласен с Бивилкой: обычный человек не будет всерьез слушать семилетнего ребенка, который уверяет, будто прах усопшего ему там чего-то нашептал. Но после смерти Кинфера Умма была словно перевернутая, могла еще и не тому поверить.

– Но когда умерла Яниса, – продолжала Бивилка, – когда родители Кинфера забрали Умму в Эллор к племяннику – вот после этого она так переменялась, что я уж и не знаю, кто она такая. Как будто чужой человек. Ты что, сам не замечаешь?

– Не очень, – рассеянно ответил Шадек, с прищуром разглядывая поле. Там бродили маленькие хрюшки или показалось? Откуда им тут взяться, теперь ведь ни один хозяин не бросит скотину без присмотра и на вздох? – Но мне-то она не была задушевной подружкой. Как по мне – Умма и Умма, ну выкидывает что-нибудь эдакое иногда. Но ведь ей больше всех досталось как ни крути. Было бы удивительно, если б она совсем не изменилась.

– Но не так же, чтоб наплевать на школьных друзей! – вскричала магичка. – Она теперь вообще не пойми куда смотрит, только эллорские байки, предки, леса, только племянник, родители Кинфера, какие-то эльфийские друзья да еще Тахар. Вот что у них может быть общего с Тахаром?!

– Это кто еще такой?

– Маг, – скривилась девушка. – Самоучка из какой-то северной деревни. О чем ей дружить с самоучкой, скажи мне?

Шадек пожал плечами. По его мнению, ничего удивительного тут не было: кто водится в эльфийском пределе, с тем Умма и общается.

– Кто-то едет, – сказал он вместо ответа.

Маги подобрались, придержали лошадей, внимательно рассматривая троих всадников. Едут верхом, без вещей, детей не везут, скотину не тащат – значит, не переезжие. Не торопятся, выглядят расслабленными – как будто нынче нечего бояться на дороге. Может быть, оттого, что это их все пугают?

– Кажется, там одна девушка, – бормотал зоркий Шадек. – И у мужчины что-то висит за спиной. Лук? Давай подъедем. Точно лук, смотри, какой здоровый!

Оба немного успокоились: «здоровый лук», скорее всего, означал, что всадники были элморцами, ортайцев же учили обращению с мечами, топорами или копьями. И хвала Божине: умей маголовы пользоваться луками, число магов в Ортае уменьшалось бы с еще более пугающей быстротой.

– Кажется, у девушки мечи, – удивленно добавил Шадек. – Два меча на поясе, в жизни такого не видел!

Магичка застонала так, будто у нее заболел зуб. Или два.

– Что? – не понял Шадек.

– Про серого речь – а серый навстречь, – процедила девушка. – Здоровенный лук у эльфа и девчонка с двумя мечами – это значит, сюда прется Тахар со своим... балаганом страховидлов.

– Да? – заинтересовался Шадек и пнул своего коня пятками – ему интересно было посмотреть и на нового друга Уммы, и на страховидлов.

Магичке ничего не оставалось, как направить лошадку следом, чуть подотстав: не то что встречаться с этой троицей, а даже смотреть на них не хотелось. Кажется, единственный раз в жизни ей довелось повстречать людей, которые стали ей ненавистны в единый вздох, безоговорочно и в полном составе.

Троица приостановила коней, едва узнав магичку, которая упрямо держалась чуть позади Шадека. С ее слов маг сделал вывод, что эти трое путников – ужасные и омерзительные, станут ругаться и бросаться гнилыми яблоками, однако выглядели они мирно. Выражение лиц при виде магички у всех троих сделалось одинаковым, приветливо-насмешливым – как у взрослых людей при встрече с задиристым подлетком.

И страховидлами они тоже не были. Вот этот высокий худой паренек – наверняка и есть маг Тахар, с которым подружилась Умма. У него длинные беспокойные руки с большими ладонями, резкие черты лица и жесткие белобрысые волосы. Брови и ресницы намного темнее волос, рыжевато-русые, и из-за них веселые карие глаза кажутся яркими. Шадек припомнил, что даже видел этого парня раньше – на городском рынке, у прилавка травника. Тахар придиричиво рассматривал корешки, а травник, сухощавый и громогласный морщинистый старик в извечном мятом балахоне, перед которым даже гласные маги чувствовали себя нашкодившими котятками, – так вот, этот самый травник угодливо подсовывал Тахару другую вязку корешков, заискивающе заглядывал в глаза и тихоньким тонким голосочком просил сварить какое-то сложное зелье. Шадек не помнил, видел ли тогда Тахара одного или вместе с друзьями, но отчего-то из слов Бивилки он заключил, что эти трое могут быть только вместе и никак иначе.

Эльф выглядел как самый что ни на есть элморец, родившийся не в Элморе. С виду обыкновенный мужчина – рослый, в ортайской дорожной одежде, волосы у него длинные, темные, стянутые в хвост на затылке. Только по открытым ушам и поймешь, что эльф. А что элморец – по надменному взгляду убийственно-зеленых глаз. Еще одной заметной чертой в лице эльфа был подбородок – такой квадратный и упрямый, что сразу становилось понятно: его невозможно убедить или переспорить, проще сразу бить в лицо, чтоб хоть душу отвести. Почему-то эльф не носил в ухе серьги, как все элморцы. Если он еще не заслужил права на знак принадлежности к исконцам, то почему у него за спиной висит лук из илфредского дерева, который достается далеко не всякому даже урожденному элморцу?

Шадек заметил, что эльф смотрит за его плечо, на музыкальный инструмент из того же илфредского дерева. И морщит лоб, спрашивая себя, как подобная вещь оказалась в руках человека.

– Здравствуй, Бивилка, – все с той же добродушной усмешкой поздоровался Тахар.

– И тебе не чихать. – Девушка все-таки подъехала ближе, встала вровень с Шадеком, но смотреть на кого-либо из троицы избегала. Мазнула взглядом по плечу Тахара и снова устави-

лась в сторону, как будто за спиной мага происходило что-то более интересное. – Какой ветер вас унес так далеко от дома?

– Северный, – он продолжал улыбаться. – Порталы, Бивилка.

– А что порталы?

– А то, что все Миры у нашей Лирмы мы уже обшарили, – охотно объяснил Тахар, – и вообще все обшарили, что северней Эллора. В самом Эллоре порталов нет, так что теперь нам остается забирать на юг и на запад, к Мошуку. В Мирах-то теперь много удивительного творится, ты ж знаешь.

Магичка так удивилась, что посмотрела наконец прямо в его веселые карие глаза.

– Не знаю. Почему я должна знать?

Он пожал плечами.

– Ну, я думал, Умма тебе рассказала.

Бивилка засопела и не ответила, но взгляд не отвела. Тахар улыбался. Шадек смотрел на него и думал, что как друг Бивилки должен бы, наверное, сказать этому самоучке какую-нибудь гадость. А то и с лошади его уронить. Но Шадеку больше хотелось улыбнуться Тахару в ответ, а Бивилку обнять за плечи и посоветовать не расстраиваться из-за ерунды.

– Будьте осторожны на дорогах, – сказал наконец Шадек, чтобы прервать затянувшееся молчание и отвлечь внимание троицы от розовеющих щек подруги, – стражники говорят, в этих краях появилась шайка маголовов.

Предупреждение было пустым: маголовы на группы не нападали. Для двух-трех путников больше опасности представляли разбойники, вылупившиеся из разоренных сущью селян, – маголовы же предпочитали храбро сражаться с одиночками, восполняя свою трусость изощренной жестокостью.

– Маголовы? – Тахар наморщил лоб, и Шадеку почудилось в этом что-то нарочитое. – Ну да, ну да. Они были неподалеку, это правда.

– Больше не будут.

Только теперь маг рассмотрел вблизи третьего человека в этой необычной группе – девушку с двумя мечами. Странно, что после того, как всадники подъехали, Шадек даже вскользь не взглянул на нее – обычно-то на девушек он смотрел как раз в первую очередь.

Невысокая, с Бивилку ростом, но не такая щуплая, обычные штаны с рубашкой и поясом из плотной ткани выглядят на ней чуть ли не праздничным нарядом. Черные волосы отливают серебром в солнечных лучах, глаза тоже черные, большие, блестящие – в точности как у жительниц Меравии, но кожа – светлая, а на щеках пестрят яркими точками редкие веснушки, крупные, будто нарисованные. Большой рот с бледными губами добавляет лицу той замечательной неправильности, из-за которой от него нельзя отвести взгляд.

– Хотите сказать, что перебили шайку маголовов?

Услышав голос Бивилки, Шадек понял, что уже довольно долго сидит и молча пялится на девушку. А та каким-то непостижимым образом умудряется смотреть на магичку, но улыбаться Шадеку.

– Ты прямо на лету все схватываешь, – говорила она негромко, чуть растягивая слова, и было не понять – это такая манера разговора или особый тон, взятый в отношении Бивилки. – Быть может, мы спасли твою шкурку от редкостно паскудной гибели, что скажешь? Но ты не выглядишь довольной. Ты выглядишь раздувшейся, как жаба. У тебя был свои виды на эту шайку? Ты хотела покончить с собой самым придурочным способом из всех?

Магичка поджала губы.

– Я просто не знала, что вы еще и людей убиваете. Я думала, только зверушек.

Девушка повела плечами.

– Брось. Это были ненужные люди.

– Их следовало доставить в Мошук, – стараясь говорить спокойно, возразила магичка, – преступники должны помещаться в вязницу, а их дальнейшая судьба...

Тахар и эльф одинаково закатили глаза, да и Шадек едва не сделал то же самое. А черноглазая девушка смотрела на Бивилку спокойно и вызывающе, как тогда, в Эллоре, когда... Когда Бивилка поняла, что эта девчонка пугает ее.

Эллорцы тогда готовились отмечать один праздник летнего начала. Тахар и его друзья нарочно приехали в Эллор, и их даже допустили к подготовке торжества – ни Бивилка, ни жившая в Эллоре Умма такой чести пока не были достойны, но болтались на полянке неподалеку.

Тогда все случилось очень быстро: из густой листвы высоченного дерева к черноглазой девушке бросилось что-то большое и лохматое, надрывно крича. Сама Бивилка, повернувшая голову на визг, успела только охнуть и прижать ладонь ко рту. А девчонка – пригнуться, выхватить мечи и ударить двумя руками снизу, по рукоять вонзив клинки в тело... большой обезьяны, которой в недобрый вздох пришло в голову поиграть с новым человеком. Живность в Эллоре почти вся была такая: ручная, дружелюбная, общительная. Эльфы любили ее, а обезьян держали почти что за друзей.

Обезьяна охнула, посмотрела на девчонку недоверчиво и обиженно, схватила ладонь за торчащий под ребром клинок и нелепым мохнатым кулем осела наземь. Черноглазая тут же сделала широкий шаг назад – плавное, выверенное движение, не вязавшееся с растерянным выражением ее лица. Обезьяна хрипло застонала, выхватила пук травы из рыхлой земли, бессильно скребнула когтем по рукояти клинка и затихла.

– Девочка, это было вовсе не обязательно, – болезненно поморщившись, сказала тогда Имэль, старшая эльфийка, а черноглазая состроила подчеркнуто-скорбную мину и отошла в сторонку. Уселась у ручья и принялась сосредоточенно отмывать окровавленные руки.

Умма и Бивилка были потрясены. Если бы эллорскую обезьяну убила одна из магичек – ей пришлось бы покинуть край исконцев немедленно и навсегда, да хорошо еще, если без отпечатка эльфийского ботинка пониже спины. А эта сумасшедшая девчонка отделалась укоризненным «Вовсе не обязательно», произнесенным чуть ли не извиняющим тоном.

Чуть погодя Бивилка подошла к девушке. Та сидела на траве, спокойно и тщательно отчищала от крови клинки. Ее друзья под присмотром Имэль давно утащили труп обезьяны в лес, но перед глазами Бивилки все еще стояли нелепо вытянутые мохнатые ноги, длинная лапа, вцепившаяся в траву, задранный подбородок. И торчащие под ребрами клинки – хозяйка их не вытащила сразу, чтобы не уляпаться в крови еще больше. Бивилка уже не помнила, что именно тогда сказала ей – что-то о том, как не следует обращаться с милыми зверушками, и что, выхватывая клинки при любом шорохе, можно навлечь на себя большую беду.

Девчонка тогда посмотрела на нее внимательными черными глазами, в которых не было видно зрачков, и задумчиво спросила:

– Тебя когда-нибудь убивали?

Бивилка только рот открыла. Девчонка еще несколько вздохов смотрела на магичку так, словно собиралась что-то добавить, что-то такое же непонятное и странное – но тут рядом возник Тахар, кончиками пальцев провел по плечу подруги и тихо попросил:

– Аль, не надо.

Она скорчила рожицу и отвернулась, и больше в тот день не глядела на Бивилку.

А магичка поняла, что черноглазая девчонка всерьез ее пугает. Ведь не может обычный человек скучающим тоном задавать такие вопросы. Не может ортайская девушка носить мечи и отмывать окровавленные руки в тихом светлом ручье. Не бывает у девушек с картинно-красивыми лицами такого пронзительного и тревожного взгляда, от которого выворачиваются наизнанку мысли...

Было во всем этом нечто глубинно-зловещее. Как будто девчонка – ведьма из старых сказок, которая живет на свете многие сотни лет, похищая тела молодых дев, и выдать ее может только взгляд – слишком древний, мудрый и горький для юного существа.

Вот и теперь она смотрела на Бивилку своими жуткими черными глазами, и казалось, будто она видит, как в голове магички носятся обрывки мыслей.

Бивилка отвела взгляд, не закончив говорить о маголовах, вязницах и правильных поступках.

– Поехали, – сказала черноглазая своим друзьям, отвернувшись, и магичке показалось, что она чем-то разочарована, – дедушка ждет.

Услышав уютное слово «дедушка», Бивилка снова возмутилась. Умалишенное существо с колдовским взглядом, которое носится по округе с двумя клинками и убивает без разбору все, в чем лишь почудится опасность, – такое существо не имеет права на дедушку, дом, бублики с медом, теплое одеяло и тому подобное. Так считала магичка. Домов и одеял нынче другим людям не хватает, куда более достойным – во всяком случае, не отнимавшим жизней почем зря. И то, что у черноглазой девчонки есть дом и дедушка, а у переезжих семей – нет, рассердило Бивилку.

Кивнув на прощанье обоим магам сразу, девчонка стукнула свою лошадку пятками, и та, высоко поднимая тонкие ноги, аккуратно обошла Шадека. Девушка смотрела на него искоса, с полуулыбкой. Следом, столь же небрежно кивнув, проехал эльф, так и не сказавший ни слова, и Шадек вдруг подумал, что было бы здорово, окажись этот парень немым.

Тахар, ехавший последним, придержал своего коня.

– В Мирах что-то зреет, – очень тихо сказал он Шадеку. – Магоны пропали, давно, мы уж почти позабыли, как они выглядят. А до того, как исчезнуть, они перестали нападать на чужаков.

Шадек вскинул брови. Чтобы магоны, эти уроды бешеные, не кидались на путешественников? Да быть такого не может!

– Они тянулись к порталам, – еще тише добавил Тахар. Смешно выпятил нижнюю губу, – словно знали, что через порталы можно выйти.

– Бред больной лошади, – вежливо усомнился Шадек. – А даже если нет – они не могли выйти без амулетов. Да и с амулетами не могли, потому что ни животные, ни магоны не могут...

– А теперь порталы желтеют. – Тахар кивнул эльфу, который, обернувшись нетерпеливо постукивал пальцами по бедру и корчил другу страшные рожи. – Бдыщевая мать разберет, что там, но вы в Мошуке придержите детишек. Чтоб не совались в Миры. Хорошо? Шадек, ты слышишь?

– Слышу, – неохотно протянул тот. – Ну, спасибо, наверное, что рассказал. Придется теперь переться к portalу, проверять – но если он вправду желтый, так это же... Эй! – опомнился Шадек, когда Тахар уже проехал дальше. – Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Магия! – не поворачивая головы, ответил тот и махнул на прощанье рукой.

* * *

Несколько лет назад вербяной поселок, возрожденный новым наместником, стал гордостью Мошука, а плетеные корзины, люльки, верши возили аж в Гижук и Меравию. Поселок разрастался, потихоньку превращаясь в еще один городок, появлялись у него собственные огородики, лавки, небольшая кузница. Три года назад даже призорец-вербянник завелся – это было удивительно для края, где призорцы все чаще теряли силы от людского неверия и ухидили в Даэли, к дриадам, которые жалели и привечали любых существ, даже вредоносных.

Вербянник походил на оплетенную лозой корягу высотой по пояс человеку и передвигался на четырех ногах-корешках. Руки у него были длинные, тоже сплетенные из лозы, и

заканчивались тремя пальцами-отростками. Лицо – большеносое, крутобровое, будто выложенное непослушными детскими руками из кусков коры и веток. Звался вербянник Охрипом и попервости пугал людей до икоты. Однако со временем к нему привыкли и взрослые, и детишки – последние даже полюбили призорца, потому как тот охотно с ними возился. Дело свое Охрип знал, вербяные поля держал в чистоте и порядке – при нем не то что мавки-визгляки перестали заводиться в зарослях, а даже тля стеснялась портить листья.

С наступлением суши дела в вербяном хозяйстве пошли на спад – Идорису стало не до корзин. Однако призорец почти не покидал свой поселок, потому теперь, увидев Охрипа перед восточными воротами, Бивилка и Шадек удивились. И еще больше удивились тому, как он разорался, увидев магов.

– Тролли! – голосил Охрип, потрясая длинными косами рук. – Средь дня белого! Тролли! Без присмотру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.